

ЕВГЕНИЙ САРЖИН

КАМНИ И ЧЕРЕПА

Евгений Саржин

Камни и черепа

«Автор»

2022

Саржин Е. Л.

Камни и черепа / Е. Л. Саржин — «Автор», 2022

Заря человечества, дни, от которых нас отделяет более 11 тысяч лет. Таинственный храмовый комплекс, известный в наше время, как Гебекли-тепе, воздвигнут, чтобы утишить гнев богов, наставших на людей кару, и спустя столетия после его строительства будит благоговейный страх. Там проводят мрачные обряды, и льется кровь людей, которой жрецы надеются умиловить жестоких духов - заодно и укрепить собственную власть. Тесугу, юноша с раздвоенной губой, идет навстречу своей судьбе – острому обсидиановому ножу, который должен прервать его жизнь. Но, как и в нашем мире, судьба полна неожиданностей...

© Саржин Е. Л., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	15
Глава пятая	18
Глава шестая	23
Глава седьмая	28
Глава восьмая	33
Часть вторая	38
Глава первая	38
Глава вторая	42
Глава третья	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Евгений Саржин

Камни и черепа

Пролог

Это было 11 тысяч лет назад, когда мир был юн, и все его духи – еще живы...

Часть первая

Глава первая

Тогда ярость овладела Эцу. Почернело небо, и поднялся раздирающий кожу ветер. День больше не отличался от ночи – с потемневшего неба на них смотрели его глаза, желтый и белый одновременно. Бесчисленные Древние вдруг вышли из своих темных жилищ, и загорелись в горнем мире их костры. А ветер всё дул, черный и ледяной, и люди слепли, и слезала с костей плоть, словно их оставили в пищу крылатому народу. И молили люди неспящих обратиться к Эцу и прочим Древним, и узнать, чем прогневали их. Но неспящие сами стали бессильны и неразумны – они дули в костяные дуды, но ветер срывал звук, и никто не слышал их голоса. Они взывали к горным братьям, к крылатому и рогатому народам, но никто не мог им ответить. Птицы металась среди черных туч, испуганные и слепые, как и люди, а горные братья ревели и били в гулкие бубны. И, заглушая все, свистел черный ветер.

А потом застонал горный мир, и огонь осветил его, и от света бежали и люди, и другие народы, бежали, забиваясь в норы, ища укрытия в пещерах. Но восстал камень, и падали им на головы стены хижин и своды пещер. И раскрылась земля от голоса Эцу, и огонь ударил в скалы. И померк свет.

Во тьме и холоде, где бродили люди, находили они лишь кости и почерневшую плоть. Замолчали неспящие, и иссохли лона у женщин. И все бы погибли, если бы не появились Первые.

Они были уже не так далеко от того места. Ночь, страшная, как и любая ночь, окончилась, и все вернулись из бессветного края, где блуждали в потемках. Как и бывало всегда, глаза у людей поутру были темными и испуганными, но никто не рассказывал другим о том, что видел в мире ночи. Они просто разминали затекшие тела, оборачивали накидки вокруг пояса, а старый Бын, присев на корточках у заготовленного вчера лапника, медленно вертел в руках деревянную палочку. Нельзя мешать человеку, который вызывает огонь, не стоит даже говорить рядом, пока он этим занят, и мужчины молча осматривали свои пожитки. Узкие, легкие копья с блестящими в утреннем свете остриями, шероховатые древки копьеметалок, пара луков, вязанка стрел и ножи. Кремень темнел в блеклом утреннем свете, но некоторые предметы были сделаны из другого камня. Эта порода, легко слоившаяся на пластины, резавшие и кожу, и мясо, была особенно хороша. Чтобы добыть её, люди уходили за многие дни пути, либо отдавали на менах самое ценное, что имели. Но не за обсидианом они шли сейчас к Обиталищу Первых.

Наконец послышалось тихое, чуть суховатое потрескивание, и старый Бын выпрямил спину. Вызванный к жизни огонь принял пищу и побежал по сухим стеблям.

– Несите мясо, – глухо сказал он, и юноша со спутанной гривой распущенных волос сделал пару шагов в сторону и нагнулся, раскроенная шкура оборачивала его пояс. Он поднял с земли два больших куска мяса антилопы, запекшиеся черно-бурым. Какие-то насекомые уже облепили их, и он осторожно начал стряхивать жучков на землю.

– Здесь совсем немного, Бын, – так же негромко сказал один из мужчин, – а идти нам до следующей ночи.

– И что? – Бын не обернулся на его голос, продолжая медленно подкладывать небольшие веточки в трещавшее пламя, пока еще слабое и дрожавшее на утреннем ветерке, – разве мужчины не ходят голодными?

– Не когда они ходят к Первым, – сказал кто-то, но так тихо, словно сам боялся своего голоса, Бын поднял голову, и шепотки смолкли. Мужчины стояли перед ним – все, кто шел

от их родов, столько, сколько пальцев на обеих руках. Черные глаза неотрывно смотрели на старшего, и он переводил взгляд с одного охотника на другого. Нагие или опоясанные выделанной шкурой, украшенные резью – линии шрамов бежали по груди, рукам, а у некоторых словно чудовищные ожоги коркой вздымались посреди лба. И лишь один юноша – стоявший сейчас растеряно с двумя антилопьиими ногами в руках – был без единого шрама. Его кожа была чиста – потому что резец старейшего не касается кожи того, кого надлежит отдать Первым. У юноши был другой шрам, тот, который и сделал его особенным – верхняя губа словно развалена пополам ударом ножа, под ней чернел провал на месте двух отсутствовавших зубов. Знак, который, получи он его на охоте, сделал бы его опытным охотником, говорящим Слово – но он не родился таким.

– Подай мне мясо, Тесугу, мы будем есть, – все так же негромко сказал старый Бын, и, не оборачиваясь, протянул руку. Юноша сделал пару шагов, и передал ему сначала антилопью ногу, потом вырезку с ребер. В следующий миг в руке старшего уже оказался нож – пластина обсидиана, вправленная в размягченный рог – и он начал медленно разделять мясо на небольшие куски. Один из стоявших за ним мужчин нагнулся, и подал ему тонкие, заостренные с одной стороны прутики.

Когда нанизанное мясо лежало на раскаленных огнем камнях, старый Бын опустил с короточек на колени, и, глядя на лишнюю плоти кость, проговорил:

– Рогатый брат, благодарим, что отдал себя, чтобы насытить нас. Когда закроются глаза, и мы спустимся в нижний мир, скажи за нас слово перед своим народом.

Когда его голос умолк, все стоявшие за спиной мужчины молча приложили руку ко рту, а потом, как по приказу, их оцепенение спало. Они зашевелились, и, обмениваясь короткими восклицаниями, подо двинулись к костру, плясавшему посреди каменного очага. Один лишь Тесугу остался неподвижен, и Бын, подняв на него глаза, сказал:

– Садись и ты.

Юноша повиновался, и вскоре получил в руки прутик с куском мяса, которое почернело с одной стороны, но выглядело почти сырым с другой. Конечно, в таком, наспех сделанном перед сном, очаге, ничего как следует не приготовишь – это не то, что очаг в жилище, тщательно обложенный плоской каменной кладкой, пропекавший насквозь и мясо, и лепешки из толченых растений, которые так хорошо готовили женщины рода. Но выбирать не приходилось – не сейчас, когда они в пути.

Пережевывая полусырое мясо, он поднял глаза. Местность была именно такой, какой он запомнил её во вчерашних потемках, когда они пришли сюда, чтобы устроиться на ночлег. Склон, пологий и широкий, где, между валунами пробивались скрюченные деревья и пучки жесткой травы, по одну руку – зубья бурых скал, побелевшие от птичьего помета сверху, но почти черные внизу. По другую – каменистая равнина, с темной полосой вдали, не то рекой, не то расселиной. Им нужно будет идти вперед – вверх по склону, а потом за бугристую гору, и дальше, по известным только старому Быну меткам. Ведь, из всех них, только он бывал там.

Мужчины рядом молча работали челюстями, иногда наклоняясь к большим скорлупам страусовых яиц, в которых вчера несли воду. С ней нужно быть бережным, ведь неизвестно, когда они опять на неё наткнутся, а пить теплую кровь рогатых братьев – удовольствие, которого лучше бы избежать.

С трудом глотая волокнистое мясо, Тесугу еще раз попытался представить себе то место – о котором он столько раз слышал, и в разговорах у очага в стойбище, и в бессонные ночи обращения к Древним. Место, где гнев Эцу, старшего и самого грозного из всех Древних, расколосил землю, и открыл дорогу в нижний мир. Место, где Первые услышали и возгласили его волю, и заключили себя в камень. Бын говорил, что окаменевшие Первые так высоки, что приходится поднимать головы, стоя с ними рядом, что в бессветные ночи их потомки не спят, и говорят с ушедшими. Что тогда из их каменных тел доносятся голоса, голоса из нижнего

мира, откуда приходят другие народы – и куда уходят люди, когда закрываются глаза. Куда он сам должен будет уйти очень скоро, потому что...

– Ты будешь голодным, когда тебе закроют глаза, Тесугу, – хриплым, словно переломанным, голосом сказал кто-то сбоку, и юноша, оторвав глаза от мяса, столкнулся взглядом с Егдом. Мужчина уже дожевал свою небольшую долю, и сейчас смотрел на него в упор. Он протянул руку ко рту, провел обломанным ногтем по провалу на месте клыка и повторил, – ты будешь голодным. Так что ешь хотя бы сейчас.

Тесугу ничего не ответил, но ощутил, как стихает его голод, хотя мяса он съел совсем немного. Что ждет его там? Он будет отдан Первым, это было решено с его рождения – но как это случится? Увидит ли он их лица, услышит ли последнее слово? Для его сородичей он уже мертвец – тот, кто уйдет на другую сторону. Больше того, он для них и родился таким. Тесугу проглотил еще один кусочек мяса и опять украдкой взглянул на Егда. Тот, потеряв интерес к юнцу, повернулся к одному из мужчин, и о чем-то тихо его спрашивал. Его волосы последний раз обрезались после первой охоты – и сейчас они спадали на голую спину, заплетенные в несколько косиц, перекрученных жильными нитями. Егд – опытный охотник, умеющий говорить с разными народами, и на его темной коже черной сетью проступали следы ножа. Сам Тесугу никогда не знал этого чувства – прикосновения горячего лезвия, шипения плоти, острой боли, бывшей знаком связи с другими, в этом мире и нижнем. Его кожа была чиста, и глухой стыд от этого сидел в глубине никогда не стихающей тупой болью.

Трапеза окончилась быстро, и старый Бын, как должно, положил рядом с костром голову, которую они с таким трудом отделили от туловища убитой антилопы. Пусть рогатый брат, что согласился отдать им плоть, найдет свой путь в нижний мир.

И день потянулся над ними, такой же, как и другие дни их перехода – перехода по крутым холмам, каменистым взгорьям, пологим скатам. Скользя по нагретым камням ногами, обтянутыми в кожу, Тесугу думал, что, по крайней мере, им позволили идти обутыми. Женщины рода давно научились плести одежду – он не раз видел, как они сидели, скрючившись, и из-под их рук медленно выходила ткань. Грубая и жесткая, она была все же мягче размятых шкур, и к ней легче привыкало тело. Но не было смысла надевать тканую одежду в долгий поход – слишком быстро она бы тут истрепалась. Потому они просто подвязывали пояса повязками из раскроенных шкур, да прикрывали ноги кожаными чехлами.

– Что нам делать, если увидим немых, Бын? – выкрикнул кто-то сзади чуть задышавшимся от ходьбы голосом, и, шедший первым, Бын остановился, удерживая равновесие на каменной кладке.

– Ничего, – сказал он, не оборачиваясь, – и они ничего не смогут нам сделать. Нас защищают Первые, те, кому мы ведем принадлежащего им. Но я думаю, мы их не встретим.

Тесугу видел, как пожились и переглянулись остановившиеся впереди него мужчины. Лишний раз помянуть немых считалось плохой приметой – неспособные к настоящей человеческой речи, они каким-то непостижимым образом могли угадывать свое упоминание, появляясь там, где были невольно званы. Его даже удивило, что Бын не оборвал Кыму, а спокойно ответил ему. Похоже, здесь, в стольких днях пути от их стойбища, и правда, действовали совсем другие законы.

Кроме одного – не стоит упоминать немых, иначе они появятся. Этот закон остался неизменным – и, когда свет на небе уже начал краснеть, а люди ощущали приближавшуюся ночь, они наткнулись на обезглавленное тело, лежавшее поперек затухшего костра.

Глава вторая

Первые – те, кто, услышав гневную волю Эцу, пришли к месту, где открыл он путь в нижний мир. И увидели они пропасть, и дымящиеся скалы, а что видели дальше, нельзя рассказывать. И стали ходить они по родам, искать испуганных людей, хоронившихся от гнева Древних, и говорить с ними. Эцу хочет, чтобы все люди пришли к входу в нижний мир, и поклонились его жителям, говорили они. И приходили люди к дымящимся скалам, и поклонялись, и просили Эцу утишить свой гнев, вернуть им чистую воду и пищу. Но земля оставалась холодной и суровой, и так же трудно было добыть зверя и найти хорошую воду.

Тогда сказали Первые – надо показать жителям нижнего мира, что мы услышали слово Эцу, и так же почитаем каждого из братьев. И сходились люди из далеких мест, со всей земли, покрытой пеплом и гарью, страхом и мором, и таскали огромные камни, падая и умирая от усталости. А Первые, которым Эцу дал силу и мудрость, вырезали на каждом знак памяти.

«Это еще не все», – сказали потом Первые, – теперь Эцу хочет, чтобы земля была гладка и тверда, чтобы не проник никто ни в нижний мир, ни оттуда без моей воли». И люди таскали камни и глину, и жгли костры, и делали, что им говорили Первые – и земля под ногами становилась тверже скальной породы.

Но рогатые братья не возвращались, и нечего было есть. Люди грызли кости и корни, чахли и слабели. И еще раз пришли они к обиталищу Первых, и Первые сказали:

«Эцу огласил нам свою волю. Когда день будет равен ночи, ведите сюда всех, кто мечен им от рождения, но не кормите последний день пути и еще день. Пусть кровь их просочится в нижний мир, и смешается с истоками рек. И тогда утишит свой гнев Эцу, и вернет нам еду и воду».

И, когда огненный глаз Эцу вновь стал ровно над небокраем, привели они к нему тех, кто был отмечен – и мальчика с длинными ушами, и девочку, что не могла видеть, и сросшихся детей, и юношу с раздвоенной губой. И увидели люди тогда, что Первые обращены в камень – кругом стояли они, глядя друг на друга, высясь над всеми глыбами с высеченными на них знаками. И страхом наполнились души людей, и сказали им неспящие:

– Эцу сотворил это чудо. Он оставил нам дом Первых, какого никогда еще не видели люди, и, если мы сделаем, как они скажут, братья вернуться, и отдадут нам свое тело в пищу, и пустят нас в нижний мир.

И с тех пор так и было.

Тело, лежавшее в костре, выглядело как тело обычного мужчины – темная кожа, покрытая шрамами (видать, был хороший охотник), отметины от раны, не то клыков, не то копья. Он был совершенно наг, а там, где шея должна была переходить в голову, чернела неровная корка запекшейся крови. Люди не делают так – тело оставляют в пищу крылатому народу целым, а потом, спустя лето, забирают кости, если так скажут неспящие. Здесь же тело бросили, и не просто, а в огонь – в нарушение всех обычаев, но лишили головы. Все знали, кто так поступает.

– Они здесь, – приглушенным голосом проговорил кто-то, – немые тоже здесь.

И Тесугу увидел, как беспокойно оборачиваются мужчины, как их руки крепче перехватывают копья и луки. Уроды из-за перевалов, пожирающие человечину (только головы!) где-то рядом. Они останавливались тут, и тут же убили человека.

– Они бродят то здесь, то там по эту сторону гор, – сказал Бын, чуть повысив голос, чтобы его могли слышать все, – но нам нечего бояться. На идущих к Обиталищу Первых они не нападают.

– Не нападают? – выкрикнул кто-то сзади, Тесугу показалось, что Кыма, – а это что? Они убили человека, чтобы пожрать его голову, как делают это везде. Немые не могут измениться, и не могут говорить с людьми, они...

Его голос вдруг стал затихать тлеющим угольком – Бын поднял на него глаза. Объяснять не приходилось.

– Они не тронут нас, – так же размеренно сказал он, – но нам надо найти место ночлега, и пусть это не будет местом смерти. Идем дальше и вниз.

Место, где они нашли покинутый очаг и обезглавленное тело, видимо, не им одним казалось хорошим – здесь густые заросли подходили, покрывая склон, резко обрывались, но, словно обогнав их, дальше бежала трава, ласкавшая взгляд после странствий среди камней и скал. Черный зуб скалы затенял неширокую лощину, но и останавливал ветер, воздух здесь был ровен и спокоен, как раз такой, какой любит огонь. И охотники давно поняли, что недалеко, в лесу, есть река – деревья не растут иначе. Место, о котором они мечтали, сбивая за день ноги по камням – но место, меченное смертью, где злая, не-человеческая сила отняла у кого-то жизнь. Все знали, что они увидят, смежив тут глаза, и, хотя мужчины мрачно переглядывались, по знаку Бына они двинулись дальше, не сказав ни единого слова поперек. Старший молча торил свой путь, оставляя по правую руку темнеющие в свете вечернего неба деревья. Голова его была чуть наклонена, и мужчины понимали – стоит раздаться хотя бы шороху, хоть кому-то из малых приблизиться к ним, и старый Бын почувет его.

Новое место для ночлега они нашли раньше, чем того уже начал опасаться Тесугу. Он устал больше остальных, и сам понимал, почему – он не был охотником, привычным днями следовать за стадами рогатых. Сейчас они перевалили за невысокий холм, где растительность стала гуще (здесь под землей явно текла вода), и, на пологом взгорье, нашли ровное место. Бын, остановившись, указал себе под ноги своим костяным жезлом, и произнес всего одно слово:

– Здесь.

Пока они сгружали с уставших плеч свою ношу, двое мужчин подошло к старому Быну, и юноша слышал, как они негромко и почтительно что-то ему говорили. Он не вслушивался в их речь, но, по долетавшим до него обрывкам понял, что охотники увидели следы рогатых братьев, и, по известным лишь им признакам поняли – те где-то рядом. Значит, можно попробовать добыть свежее мясо, взамен почти закончившихся уже лент высушенного. Тем лучше, хотя ему, конечно, и не доведется поучаствовать в добыче.

Скрестив ноги и усевшись на траву, Тесугу наблюдал, как трое мужчин берут луки, укрепляя в петлях на поясе стрелы и короткие ножи, и покидают место их привала. И острое, гложущее чувство, которому не было имени, опять пронзило его изнутри. Мужчины убивают рогатых братьев, они заклинают их духов известными только им словами. В стойбище удачливых охотников встречают пением, ударами в обтянутые кожей бубны, они выбирают лучшие куски добычи, в том числе и принесенной женщинами и детьми – а потом уходят с женами рода в свои жилища, и оттуда доносятся стоны наслаждения. Так живет настоящий мужчина – но, значит, не он, не тот, кто родился мертвецом. Ему можно делать лишь ту работу, что делают женщины, и не знавшие прикосновения резца подростки, и ждать дня, когда...

– Безногая! – выкрикнул кто-то сверху, и Тесугу, мгновенно придя в себя, вскочил на ноги, озираясь. Он увидел, что оставшиеся в лагере мужчины тоже уже на ногах, и смотрят на что-то за его спиной. Проследив за их взглядами, юноша увидел. На плоский камень, почти невидимый за окружавшей его травой, вползала змея.

Он знал, что безногие бывают разными, и умел отличать тех, кто убивает людей, от тех, кто оставляет в живых после укуса. Но сейчас, когда свет уже начинал гаснуть, не мог признать, которую из них видит. От камня, где змея настороженно подняла угловатую голову, его отделяло чуть более десятка шагов.

– Она смотрит на тебя, мертвый, – проговорил Кыма, – она знает, кто ты.

Тесугу застыл, не в силах пошевелиться, хотя не первый раз встречал безногих. Не в первый – но не когда он идет в свой первый и последний поход, не когда они только что видели следы немых. Знак ли это? Что ползучая тварь хочет сказать ему? Она ведь и правда смотрит на него в упор.

– Тебе нечего делать здесь, – услышал он голос Бына, и в этот раз старший говорил непривычно громко. Он прошел мимо застывших мужчин и опустился на землю в паре шагов от Тесугу, что-то сжимая в руке.

– Тебе нечего делать здесь, безногая. Тот, кто идет с нами, не принадлежит нашему миру. Он не принадлежит ни людям, ни другим народам, но только лишь нижнему миру, волей Первых, стерегущих миры. Вот череп твоей сестры, – и Тесугу увидел, как мужчина положил что-то рядом с собой на землю, – той, что укусила меня и дала мне власть над безногим народом. Её словом и словом старого Бына, голосами ушедших и силой Древних говорю тебе – уходи!

С последними словами он приподнялся и сильно топнул по земле ногой. Рядом с ним на земле белел змеиный череп, и юноша вздрогнул, осознав, что впервые видит подобную власть у человека.

– Уходи! – еще громче выкрикнул Бын, и еще раз ударил по земле ногой, в одной его руке был узкий и легкий дротик, второй он сейчас выпутывал из петли на поясе нож. Змея следила за ним немигающим взглядом, и Бын сделал еще один шаг к ней, поводя острием дротика в воздухе перед собой и направив его в сторону пресмыкающегося. Мужчина подошел к камню еще на шаг, и Тесугу напрягся. Он однажды видел, как собиравшая ягоды можжевельника женщина пыталась прогнать безногую так же, но та, вместо того, чтобы уползти, кинулась на неё и ужалила. Несчастливая долго кричала и корчилась, умирая.

Но за ней не было змеинового черепа, и силы им отданной – а за Быном была, и, с благоговейной дрожью юноша проследил, как змея, в последний раз качнув головой вслед за наконечником дротика, повернулась и поползла прочь, к темнеющим в стороне кустам. Тесугу почти кожей ощутил, как спадает напряжение, и расслабляются мышцы стоявших рядом с ним сородичей.

Бын повернулся в его сторону, и юноша увидел, что на его украшенном перекрестными шрамами лбу блестит капля пота.

– Она не вернется, и не приведет с собой других, – сказал он, в этот раз обычным своим глуховатым голосом, – собирайте ветви для костра. Мы будем ждать охотников.

Глава третья

Люди могли говорить друг с другом. Их научил Эцу, старший из Древних, пришедший из-за ледяной воды, и разделивший единый прежде мир на три. И люди называли друг друга данными им словами, и знали, как зовут других – и горных братьев, и рогатый народ, и птичий народ, и малых. И, хотя не была понятна их речь, неспящие, те, что способны были звуками дуды вызвать тени ушедших, умели общаться и с мохнатыми, суровыми жителями гор, и с быстроногими газелями и антилопами, заклиная их отдать свое тело людям в пищу. Могли они и призывать горный народ – крылатых, грозных созданий, что сами принимали в пищу людей, когда у тех закрывались глаза. Со всеми люди могли говорить – сами или через неспящих. Со всеми, кроме немых.

Никто не знал, откуда появились немые. Но однажды, когда люди отправились на охоту к полупночным горам и преследовали род рогатых братьев, ожидая, пока кто-то отдаст им свою плоть – они просто пропали. Ушедшие на поиски родичи нашли тела – нагими и без голов, у остывшего костра. Так появился страх. Люди из разных родов пропадали то здесь, то там, и их тела, всегда обезглавленные, находили на каменистых склонах или у холодных ручьев, и никто не мог лечь на ночевку в том месте. Из темноты появлялись тени, и уводили заснувшего в место беспредельного страха – так что, вернувшись поутру в мир людей, был такой человек слаб и растерян многие дни. Иногда нападала на него странная хворь, члены отказывали, и глаза закрывались.

Но нашелся неспящий Кый, знавший больше всех остальных. И не одну ночь, и не две он не смыкал глаз, дул в дуду, и звуки вызывали к нему ушедших. И сказали ему ушедшие, откуда явилась беда – и ушел Кый в сторону полуночи, к высокому хребту, и поднялся на вершину, где жили духи. Там же, сидя на вершине, он опять задудел в дуду, и горные духи повторили его звук. И, из глубокого ущелья, появились немые, и стали перед горой. Так назвал он их, потому что, на каком бы языке не обращался – людей ли, птичьего народа или горных братьев – немые молчали, не понимая ни слова. Они были подобны людям, хотя головы их были уродливы, мохнаты, длинные клыки разрывали губы, а глаза цветом напоминали кровь, бьющую из перебитой жилы. Отвратительнее же всего была их кожа белесого оттенка, какого не бывает у людей. Они не носили одежды, и Кый видел, как их члены стоят торчком, огромные, в половину роста, хотя ни одной женщины не было рядом. И увидев, что не понимают они никакой речи, Кый встал и показал им на землю людей, спросив жестом, они ли туда ходили. И рассмеялись немые, а один из них вытащил из-за спины голову недавно убитого человека, и начал пожирать на его глазах, брызгая кровью и обломками костей. И проклял тогда Кый этот народ, не умеющий говорить, и не знавший никакого обычая, и, вернувшись, навеки запретил людям переходить горы.

Но сами немые его запрета не послушали.

Следующий день был таким же, как и предыдущий. Охотники, все-таки, принесли мясо молодого онагра, а посланный на поиски воды Тесугу отыскал влажное место, и наутро они добыли воду из-под земли. Так что, хотя бы в этот раз, они ели и пили досыта, набираясь сил перед долгим дневным переходом.

А потом они шли, как и в другие дни, по пологим скатам, по россыпям мелких камней и жесткой траве, обходя кручи и разбросанные тут и там заросли колючего кустарника. Непривычные к долгим походам ноги Тесугу гудели от усталости, сбитые до крови. Впрочем, он был, наверное, и рад этой боли – она, хотя бы, показывала ему, что он все еще жив. Это было важно понимать для него, юноши, рожденного мертвым и торившего свой путь к месту, где он отправится в нижний мир. Он знал это с лет, когда был еще мал.

Годы, когда он был мал – не так-то много в жизни Тесугу было того, что помнить, а из тех лет еще меньше. Первые его воспоминания – летний лагерь на плоскогорье. Их род ушел туда вслед за стадами, но на этом месте не ставили настоящих жилищ, зная, что пробудут тут недолго. Углубления в земле, подпертые жженым известняком, над головой – покатые стены и крыша из связанных ветвей. Плоские камни очага, покрытые налетом остывшей золы, лежанки из связанных шкур. И первое чувство, что он не такой, как другие.

«Мертвый идет!» – встречали его криками другие дети, и не было ему хода на их забавы с игрой в камешки, погонями друг за другом в жестком перелеске и, позже, метании дротиков и обучении стрелять из лука да пользоваться копьеметалкой. Иногда Тесугу ощупывал свою, словно расколотую, верхнюю челюсть, пытаясь понять, что это и почему он родился таким, а не как другие.

Но узнал он об этом позже. Уже на их стойбище в низовьях, где ждали их настоящие жилища – тщательное выдолбленные в каменистой земле, с камнями под лежанки, приступками для вещей и огороженными очагами – пришел день, когда дети стали взрослыми. Четверых мальчиков, примерно его лет, увели куда-то за горы, и вел их неспящий, тот, что был до Бына, и имя его изгладилось из памяти юноши. Неспящий был одет не как обычно – его бедра прикрывала тщательно скроенная шкура льва, задняя часть тела с болтавшимся хвостом, на плечах, несмотря на жару, покоилась вытканная женщинами накидка, украшенная костяными дисками. Голову же и лицо закрывала кожаная маска с прикрепленным к ней клювом, прорезями для глаз и алыми знаками, начерченными поверх размятой кожи. Мальчики шли за ним, мрачные и напряженные, пока не исчезли за горной грядой.

Тесугу уже знал, что его с ними не позовут – разговор с неспящим не для него, как не для него и то, что делает из юнца мужчину, охотника, того, кому отдают себя рогатые братья. Но, оказалось, у неспящего и для него есть слово.

Когда через день мальчики вернулись назад, с обрезанными волосами, кривящиеся от боли, и с багровыми следами ножа на лбу или на груди, неспящий подошел к нему.

– У меня есть для тебя слово, мертвый, – сказал он, и голос его звучал глухо и бесцветно, – иди со мной.

И Тесугу пошел, отложив каменную миску, которую скреб. Раз или два он оглядывался на мать и сестру, но они прятали взгляд.

Он тоже ждал, что раскаленный нож прикоснется к его коже – может, не там и не так, как у остальных, но все же – что неспящий скажет ему слово, позволяющие призвать другие народы, то, которыми охотники призывают добычу. А может, научит песням, которые поются у очагов, перед тем, как закрыть глаза, или...

Но вместо этого, неспящий начал просто говорить с ним. Так, постепенно, то, что Тесугу давно подозревал, сложилось для него в единое целое. Первые, те, кто хранят вход в нижний мир, в месте, которое упоминают вполголоса, кто не дают гневному Эцу опять наслать на них холод и черный ветер, кто призывают стада антилоп и газелей и говорят с крылатым народом – ждут его. Они издавна ждут всех тех, кто родился отмеченным, потому что их кровь нужна Эцу и Древним, она – то, что успокаивает жителей нижнего мира. И отныне он, Тесугу, не должен брать в руки ни лука, ни копья – хотя острогу для рыбы можно – но должен только ждать своего дня. И этот день придет, и тогда пойдут они через плоскогорья и колючие леса, чтобы подставить его горло под нож потомка Первых. Такова его судьба.

Неспящий, чье имя Тесугу уже не мог вспомнить, свою судьбу встретил гораздо раньше – уже следующей зимой его укусил скорпион, и он умер, корчась и захлебываясь рвотой. Но сейчас Бын вел его с другими, вел в место, которому принадлежат такие, как он. И они будут там уже через два дня.

– Ешь завтра хорошо, мертвый, – оторвал его от раздумий голос, и, подняв взгляд, он увидел, что Кыма смотрит на него, сморщив лоб, из-за чего его блестящий круглый шрам, казалось, превратился в еще один глаз, – ешь завтра хорошо. Это будет твоя последняя еда.

Мог бы и не напоминать. Старый Бын говорил с ним, перед тем, как они отправились в путь, и сказал то, что надо знать. В том числе, и что последний свой день он пройдет голодным. Голодным же вступит он и в Обиталище Первых, где прольет кровь ради того, чтобы жили люди его рода.

Тесугу судорожно сглотнул, и вдруг страшная мысль пришла ему в голову. Он сойдет в нижний мир, так ему было твержено не раз, и тут не было ничего странного – все люди спускались туда, когда приходил их срок. Но за этих людей говорили заступники рода, те братья, которые отдали свое тело им в пищу. Но он никогда не отнимал жизнь ни у кого из них, так кто же будет говорить за него? Или он окажется нижнем мире совсем один? И мысль эта вызвала куда больший ужас, чем то, что его жизнь здесь должна оборваться. Тесугу уже раскрыл рот, чтобы окликнуть старого Бына и поделиться с ним своим страхом, но в последний миг сдержался. Все обычаи, которые он знал едва ли не младенчества, запрещали юным просто так окликать неспящих. Но, когда Бын сам обратится к нему, может быть, на вечере, перед тем, как достанет свою дуду, он спросит об этом. Ведь нельзя же такого не знать!

А, между тем, они шли и шли дальше. Давно уже покинув зеленую долину великой реки, сейчас углублялись в каменистую землю, о которой Тесугу раньше лишь слышал. Сюда люди их рода ходили за камнем, которого было не добыть у них. Они искали его на каменных россыпях, но чаще выменивали у людей с плоскогорий, тех, что говорили на человеческом языке на свой странный лад, так, что едва получалось их понять. Особенно много камня приносил один странный род, так и прозванный за это – Люди Камня. Никому не позволявшие найти их стойбище, они появлялись в Обиталище Первых на всех обрядах и менах с самыми редкими и ценными вещами. Их побаивались и недолюбливали, потому что постоянно подозревали в какой-то связи с Первыми, хотя как эта связь поддерживается, никто внятно не мог сказать.

Другие мужчины, их рода и соседних, отправлялись вниз или вверх по течению реки, а иногда переправлялись через неё, и углублялись в закатную страну. Из таких странствий они приносили (если возвращались) странные предметы, и еще более странные рассказы. И крученые раковины, шумевшие, если поднести их к уху, поражали сородичей так же, как и рассказ о реке, широкой настолько, что другого её берега было не увидеть. Реке, чью горькую воду нельзя было пить. И о людях, живших по её берегам, похожих на них, но забывших человеческий язык. Впрочем, Тесугу иногда сомневался, сколько было правды в этих рассказах, а сколько вранья. Он-то уже не раз замечал, что хвастливые истории об охоте, которые мужчины рассказывали на вечерях вокруг общего костра женщинам и юным, сильно отличались от того, что они говорили друг другу.

– Тесугу! – прозвучал неожиданно резко голос старого Бына, и юноша, вздрогнув, поднял голову. Шедший впереди, старший остановился, и теперь смотрел на него, – нам нужна вода. Пойди и найди влажное место. Встретимся в лагере у вон той горы.

Как всегда, Бын говорил так, что возможности для вопросов и сомнений не оставалось. Что ж, он, по крайней мере, назвал его по имени, а не обратился «мертвый», как делало в этом походе большинство.

– Хорошо, – сказал Тесугу.

Глава четвертая

Мало знали люди о начальной земле, где жили Древние. И то, что говорили неспящие в одном роду, отличалось от того, что говорили в другом. Но все были согласны, что Древние жили давно и далеко – так давно и далеко, что человек не может представить себе этого. А землю их помещали то за горами, такими высокими, что зори верхнего мира разгораются на их белых вершинах – то за водами. За теми самыми водами, до которых иногда доходили редкие смельчаки – беспредельно широкими, горькими и шумящими голосами безымянных духов.

Но, откуда бы ни пришли Древние, на той земле, которую они покинули, все было иначе. Там не знали ночи – времени, когда души старых охотников выходят из нижнего мира и увлекают людей в свой пляс. Они не умирали, и глаза их не закрывались – вместо этого Древние просто превращались в рогатых или косматых братьев, или других из малых народов, а потом вновь становились собой.

Все могли говорить – и речь антилопы или газели, медведя и льва, сейчас понятная лишь редким неспящим, которые не могут объяснить ее людям, тогда звучала так же ясно, как человеческая.

Много еще говорили о начальной земле, и о том, что выгнало оттуда Древних. Но все сходились, что величайшим из Древних был Эцу.

Разыскать воду – подходящая работа даже для него, думал Тесугу, осторожно пробираясь между округлых черных камней. Нагретые за день, они сейчас были теплыми, почти горячими в остывающем вечернем воздухе. От долгого пути хотелось пить – гложущее, томящее желание. Сравниться с ним могли, наверное, только те мгновения, когда он видел, как сестры Егда обмывали тела в наполненном по весне ручье, и его пах сводило от сладкой боли... пока Егд не застал его за подглядыванием, и не украсил единственным большим шрамом.

Тесугу остановился и прислушался, пытаясь понять, куда теперь идти. Воду можно услышать, учил его старый Бын, который считал, что даже мертвого надо научить чему-то полезному – и множество признаков позволяли почувствовать, что водная порода рядом. Узкий ручей, таящийся в почти невидимой глазу расселине, или влажное место, где воду можно выпустить из-под земли. Ничего, а ведь он уже отошел так далеко от своих. Потеряться, впрочем, он не боялся – похожая на проломленный бычий череп гора, на которую ему указывал Бын, темнела впереди, там он с другими и встретится.

Юноша опять огляделся, и вдруг что-то словно скользнуло на краю поля его зрения, оставив чувство чужого присутствия. «Ты почуял одного из братьев» – говорили старые охотники, и Тесугу, хотя и не был охотником, сейчас понимал, что они имели в виду. Он увидел что-то, но лишь очень искоса, скорее движение. Что?

Он в несколько шагов достиг большого валуна, окруженного чахлыми кустиками травы, и постарался забиться в его тень. Движение было сбоку, сейчас посмотрим... Юноша сам не знал, что ожидал увидеть – может гордую рогатую голову антилопы, или бороду горного козла, печальную морду кулана или...

Это был человек.

На гребне горы теперь совершенно явно виднелся силуэт человека, отчетливо чертившийся в вечернем свете. Он, кажется, не видел Тесугу, потому что смотрел против света – и, несколько раз поведя из стороны в сторону головой, исчез.

На самом деле, не было так уж удивительно, что охотники из других родов тоже идут к Обиталищу Первых – люди сейчас сходились туда издалека, это он знал. И, скорее всего, они не проявят враждебности к тому, кто идет туда же – хотя, из-за его злосчастной губы, едва ли пригласят разделить с ними еду. Но что-то, чего он не мог для себя истолковать, насторожило

его в этом человеке. Он видел его слишком быстро, бегло и издали, чтобы суметь описать, но с ним что-то было не так. Чувствуя, как гулко стучит в груди, Тесугу еще раз внимательно оглядел склон. Никого и ничего, только валуны, обломки скал, кривые деревца. Но люди где-то рядом.

Сейчас разумнее всего было бы отправиться искать свой лагерь, чтобы... чтобы что? Он не нашел воду. Он видел других людей, но даже не может рассказать, кто это и как выглядит. Вернуться так – значит, еще раз дать всем понять, что мертвый ни на что не способен. И таким ли его отпускают в нижний мир?

Тесугу встал и, еще раз настороженно оглядевшись, двинулся вдоль склона холма. Он уже понял, как не попасться на глаза людям по другую сторону холма, кем бы они ни были.

Вечер медленно разливался в небе, перекрашивая его, словно тело танцующей матери перед ночными бдениями, но еще не стемнело по-настоящему. В неровных, будто рваных потоках света он различал всю местность, в которой оказался – идущий по правую руку склон, на гребне которого появился человек, каменистую лощину, колючий кустарник позади. Если идти вперед, он будет на виду перед тем, кто снова появиться сверху, а Тесугу, по какому-то неясному предчувствию, не хотелось, чтобы те люди его видели. Зато дальше, наверх, громоздились причудливой формы валуны, из-под которых местами пробивались колючие кустики и деревца. Двигаться между ними будет тяжело, зато там увидеть его будет нелегко.

Оказалось, что пробираться между валунами даже тяжелее, чем он ожидал. Разогретые края царапали кожу, ноги скользили по желвакам, и приходилось прилагать большие усилия, чтобы просто удерживать равновесие. Когда он прошел так почти до половины ската, то уже задыхался, пот вновь стекал по шее и лбу раздражающими, липкими струйками, и решение, во что бы то ни стало, увидеть тех людей не казалось таким правильным. Его подгоняла только мысль, что, раз уж он начал, поворачивать глупо.

Он услышал их, когда стоял, переводя дыхание, у каменистого выступа, похожего на обломанный посередине зуб. Голоса, несомненно, человеческие, но слишком далеко и смутно, чтобы разобрать хоть слово. И они доносились сверху, из-за острого гребня, к которому он подбирался. Страх вновь охватил Тесугу. Что делать? Роды иногда ссорились, и кровавые стычки между ними превращались в то, о чем пели и рассказывали у вечерних костров – но бывало такое, все же, нечасто. И не было причин убивать сбившегося с пути чужака, случайно завернувшего к лагерному костру – даже если это был урод, как он. Дыша тяжело и глубоко, Тесугу пытался вспомнить, как выглядел напугавший его человек, но все подробности ускользали. Это был мужчина... наверное, кто еще стал бы бродить по скалам. Кажется, в руке его было короткое копьё или длинный дротик, или... Тряхнув головой, юноша двинулся дальше. Хотел посмотреть – и посмотрит.

Когда он, наконец, подобрался к гребню, осторожно, таясь между камнями, как ящерица, солнечный свет уже густо наливался вечерней краснотой. Но его еще было более чем достаточно, чтобы видеть. И он увидел.

По другую сторону гребня склон выглядел немного иначе – меньше валунов, больше травы, местами совсем зеленые ложбинки. Он полого сползал вниз, упираясь в густые, непролазные для человека кусты. Судя по тому, как хорошо здесь все росло, под землей можно было найти и воду, но не о ней сейчас думал Тесугу. Он увидел.

Недалеко от кустов, в крошечной зеленой ложбинке сидели люди. Один из них, склонившись над кучей сухих веток, двигал руками, налегая на что-то, зажатое между колен, еще двое резкими, режущими движениями, похоже, пытались разделать неразличимый отсюда кусок мяса. Что-то делали и остальные, но Тесугу не всматривался, пораженный внезапным озарением. Они выглядели как люди, сидевшие у костра, но... это были не люди. Люди различаются ростом и силой, телосложением и тем, как уложены у них волосы. Но у всех у них кожа одного

оттенка – цвета камня, шлифованного ветром, темная и блестящая. Создания же, сгрудившиеся у костра, были белесыми.

Ему понадобилось время, чтобы осознать это. Сперва он несколько нескончаемых мгновений вглядывался в них, уверенный, что вечерний свет его обманывает – или же на чужаках тканая одежда странного, светлого оттенка. Но нет, по крайней мере, выше пояса они все были голые. И это была их собственная кожа – то, о чем он слышал, но ни разу не видел. Не то серая, не то белесая, а иногда даже казалось, что розоватая. Но в одном он был уверен точно – у людей такой кожи не бывает. Но создания во всем остальном походили на людей. Значит, это они – немые.

Юноша почувствовал, как волосы на спине становятся дыбом, а грудь сжимается так, что становится трудно дышать. Немые здесь. Недаром они видели обезглавленное тело. Здесь те, кто убивает людей, кто, вопреки всем обычаям и самому разуму, отделяет и пожирает их головы, но оставляет тела. Зачем, что они здесь делают?

Тесугу вжался в край скалы, стараясь, не обращая внимания на боль от острых камешков, уйти от взглядов этих созданий, слиться с землей. Но при этом продолжал за ними наблюдать, зачарованный странным зрелищем. Один из немых все так же возился над ветвями, но другие принимали и передавали что-то, чего он не мог рассмотреть. Вот, однако, склонившийся над ветвями распрямился и замер, потом подобрал что-то на земле. Тесугу, неотрывно следившему за ним, внезапно подумалось, что он где-то видел такие движения. Ну конечно, старый Бын и другие из старейших, кому доверялось заклинать огонь и вызывать его к жизни. Они сидели так же, и так же распрямлялись, когда родившийся огонек с треском полз по ветвям. Неужели немые так же разводят костры, как и они? Необычность этой мысли поразила юношу. Он никогда не думал, каковы немые в повседневной своей жизни, но ему смутно представлялось, что с людьми у них нет вообще ничего общего.

Между тем, сидевшие вокруг костра – теперь Тесугу был уверен в том, что это костер – возились, передавая друг другу что-то, наклоняясь над тлеющими ветвями и перекладывая их. А потом один из них встал, и юноша смог, наконец, рассмотреть его, насколько позволяло расстояние. Он выглядел как человек, широк в плечах, гол выше пояса. Обе руки немой сложил на животе, держа в них что-то, такое же белесое и округлое. Он издал какие-то звуки, показавшиеся Тесугу далеким птичьим криком, а потом резко поднял вверх руки, продолжая держать в них круглый предмет. Сидевшие у костра ответили ему гулом и бессмысленными рыками, как и положено таким созданиям, но вдруг Тесугу заметил то, что сразу не бросилось ему в глаза. Эти существа не сидели все вместе – одно было поодаль от остальных. Присевший на земле шагах в десяти от других, немой покачивался на земле из стороны в сторону, и, когда все смолкли, вдруг выкликнул что-то. Он протянул руки вверх, и изгиб его тела стал виден так ясно, что Тесугу осознал – это была девушка.

Глава пятая

Древние, которые не умирали, и не знали голода и жажды, покинули свою землю, ибо что-то случилось, что-то страшное, после чего не могли они больше жить там. Они шли бесчисленные дни. Иногда добавляли, что вел их Эцу, и глаза его горели, освещая ночь.

И в пути одни из Древних падали без сил и не могли больше подняться. И закрывались их глаза – так они узнавали, что есть смерть. А другие, превратившись в рогатых или мохнатых тварей, забывали, как стать людьми, и оставались такими навсегда. И привел Эцу, наконец, оставшихся с ним Древних к тому краю, где небо касалось земли, и не было дальше дороги.

– Куда мы пришли? – закричали Древние, и двуногие, и рогатые, и клыкастые, а крылатый народ кружил в воздухе, словно чуял приближение дней гнева.

И повернулся к ним Эцу, и глаза его горели – один желтым, другой белым.

– Мы пришли к началу, – сказал он, и разделил миры.

И стал один мир полон деревьев и травы, камня и воды. Сказал Эцу:

– Здесь будут жить люди, и все их братья, и антилопы, и газели, и медведи, и львы, и другие.

И так стало.

И другой мир, темный и влажный, лег под миром людей. И сказал Эцу:

– Сюда будут уходить люди и все их братья, после того, как придет за ними смерть. Здесь они будут обретать новые тела. Отсюда же потекут все реки и источники.

И так стало.

И третий мир лег над первыми двумя. Он касался вершин гор, и был холодным, но полным света.

– Это прекраснейший из миров, горный мир, – сказал Эцу, – те из вас, кто был лучшим в этом походе, уйдут туда вместе со мной. И лишь крылатые братья смогут до него добраться.

И так стало, с того дня и навсегда.

– Я же говорил, что они здесь, – это опять был Кыма, – мы видели убитого ими человека! Они совсем рядом!

Новость, принесенная Тесугу, взбудоражила всех, и только старый Бын сохранял спокойствие. Мужчины, забыв про запекавшееся над углями очага мясо, вскочили на ноги, переговариваясь и обмениваясь многозначительными взглядами. И он понимал причины их страха, ибо сам еще не отошел от потрясения. Лагерь немых, уродливые белесые фигуры – и девушка, сидевшая поодаль. Но разве у немых есть девушки?

– Нам нельзя спать, иначе они подберутся к нам во сне, и унесут наши головы, – выкрикнул кто-то, чьего голоса Тесугу не узнал, и несколько человек ответило одобрительными восклицаниями.

– Молчите! – это были первые слова, которые произнес Бын, после того, как Тесугу поведал о виденном. Поскольку кто-то еще пытался говорить, он приподнялся, сжимая в руке свой костяной жезл. Дуда качалась на обнаженной, покрытой шрамами груди.

– Молчите! – повторил он, голоса смолкли один за другим, и Тесугу, устремивший взгляд на старшего, боковым зрением видел, как напряженно мужчины сжимают в руках копьё и луки. Страх борется в них с яростью, он это ощущал сейчас по молчанию так же отчетливо, как раньше по их словам. Но по застывшему лицу старого Бына было невозможно понять ничего.

– Мы сейчас не так далеко от гор, за которыми бродят немые, – сказал он, убедившись, что все умолкли и слушают, – и мы знаем, что они часто переходят эти горы. Нет ничего странного, что мы встретили их сейчас.

– Так близко к Обиталищу Первых? – выкрикнул Егд, и Бын кивнул:

– Немые не знают закона. Они не знают об Эцу, о днях его гнева, о том, как Первые стали хранить это место, обратившись в камень. Они просто бродят тут и там, как неразумные дети...
... и убивают людей! – выкрикнул кто-то.

– Это все что они умеют делать, – Бын не терял спокойствия, – но они и сами смертны. И никакой дух не хранит их. Потому нам не нужно их бояться. Ночью не уйдем ко сну все вместе – будем стеречь лагерь. И, если они появятся здесь, то мы отдадим подземным духам их собственные головы.

Эти слова попали в цель – Тесугу ощущал это. Сколь ни велик был страх перед немymi, осознание того, что эти создания смертны, легко обращало его в гнев. Это не рогатые братья, не грозные львы, даже не голодные волки – все другие народы имели духов за собой, которые надо было заклинать, перед тем, как убить. Но немых можно было убивать просто так. Если получится, конечно. И, словно в ответ на его мысли, Кыма сказал:

– Их можно убить, – и юноша опять почувствовал, как закивали мужчины, – люди из других стойбищ убивали немых, я слышал...

– Можно, но мы не будем делать этого сейчас, – прервал его Бын, впервые заставив свой голос звучать остро. Он поднял глаза и посмотрел в разбавленную ночным светом темноту, ища глазами говорившего, – мы сейчас не охотники. Мы не защищаем род. Мы ведем меченого духами к месту, которому он принадлежит.

– Мы все равно можем выследить немых, раз они близко, – на этот раз заговорил мужчина по имени Дияк – для них нет обычая, тогда какая разница...

– Дияк, ты не повинешься моим словам? Словам того, кто дважды ходил к Обиталищу Первых, и поклонился им, и касался рукой входа в нижний мир? Ты не веришь словам того, кто принес больше мяса людям рода, чем кто бы то ни было другой из ныне живущих? Ты выйдешь и повторишь свои слова передо мной?

Его голос лишь совсем немного пошел вверх к концу короткой речи, но Тесугу ощутил, как колкое дыхание страха окутывает мужчин. Нельзя гневить неспящих – никому не дано знать, какого духа они могут натравить на тебя, заставят ли твою руку ослабнуть на охоте, отдадут ли в пищу горным братьям или заставят жгучую немочь терзать болью твое чрево. Впрочем, некоторые поступали и более прямо – тот, кто был до Бына, просто вспорол живот одному любителю прекословить, и отдал крылатому народу его печень.

Ворчание и тихий ропот постепенно стихали, и люди вновь садились на свои места. Обгорелые ветви тихо потрескивали в костре, и подернутое синевой небо густо светилось точками далеких костров.

– Нельзя спать здесь, – вполголоса сказал кто-то, и голос Егды с другой стороны костра откликнулся:

– Мы же решили, что будем сторожить. Я первый.

Бын снял с шеи дуду и вертел её в руках, равнодушный к происходящему. Но вдруг, остановив танец пальцев, не поднимая головы, спросил:

– Тесугу, ты можешь еще раз сказать всем, как выглядели немые?

Тесугу подался вперед, не зная, нужно ли ему вставать. Как и всегда на таких вечерах, он сидел чуть в стороне от других. Его пальцы нащупали и сильно смяли жесткий и колючий мех, обернутый вокруг пояса. Он сглотнул.

– Я уже рассказывал, что я видел.

– Расскажи еще раз, громко, так, чтобы слышал каждый. Слышал, и больше не спрашивал.

Юноша нерешительно поднялся, и увидел в рассеянном мраке перед собой тусклый блеск глаз – словно стая волков смотрела на него из темени. Но это не волки, а его собственные сородичи. Он кашлянул, еще раз сглотнул слюну и проговорил:

- Я увидел их, сидящих за гребнем горы, вокруг костра...
- Говори громче! – выкрикнул кто-то, кого он не признал, и Тесугу повысил голос:
- Они сидели, и ветви были заготовлены, как для костра, и один из них вызывал огонь...
- Немые не умеют вызывать огонь! – выкрикнул кто-то другой, но теперь уже вмешался

Бын:

– Не раскрывай рот, когда не знаешь. Умеют. Продолжай, Тесугу.
– Один из них вызывал огонь. Другие сидели. И было что-то, кажется, нога кого-то из рогатых братьев, и двое возились с ней. Их кожа была очень светла, как..., – он не нашел сравнения, – некоторые были прикрыты шкурой, и она свисала, как хвосты, а другие голые.

– И члены их были длиной с руку, и подняты? – спросил Дияк, и Тесугу покачал головой:

– Я не видел такого. Но они, в основном, сидели. Потом они, наконец, вызвали огонь, и начали передавать друг другу куски мяса, как...

Он хотел сказать «как мы это делаем» – но не решился. Как сравнивать людей с немymi?

– И глаза их были красными, как кровь? – спросил Кыма, и он опять затряс головой:

– Я не видел. Но я был далеко.

– У них было что-то в руках? – заговорил Егд, – копья, топоры, палицы? Ножи?

Тесугу нахмурился, вспоминая.

– У тех, что были с мясом, что-то было в руках, да. Не видел что. У остальных не знаю.

– Охотники из рода, у которого мы останавливались за бугристой горой, убивали немых, – это снова был Егд, – они мне говорили, и даже показывали взятое у них. Это было копьё, с острием, какого не делают люди, и когти на нити. Они умеют дробить и острить камень.

– Мы тоже можем..., – подхватил кто-то, но Бын оборвал его:

– Достаточно!

И все замолчали. Голос старшего не оставлял сомнений – обсуждения закончены.

– Один из вас останется со мной ночью, мы будем следить, чтобы немые не подобрались неожиданно, – уже спокойнее сказал Бын, – нам нечего бояться. Я призову духов в защиту.

Его пальцы коснулись висящей на груди дуды из кости грифа, и Тесугу почувствовал дрожь. Он услышит священный звук дуды, увидит, как заклиняют тех, кто давно ушел. Так делалось в стойбище на тайных вечерах, но его никогда на них не пускали. Но куда ему скажут уходить здесь?

– Мы будем есть, а потом говорить с Древними, – спокойно сказал Бын.

Пока они разгрызали зубами плохо пропеченное мясо, Тесугу вновь и вновь обращался к тому, что видел сегодня. Лагерь немых, существа, сидевшие вокруг костра, разделявшие мясо, и, если не считать цвета кожи, удивительно похожие на них, так же вкушающих пищу у лагерного костра. Не так он представлял себе нелюдей из-за гор. Что было в руках у того немногого, белесого и округлого? И почему та девушка...

– Спасибо, брат, за отданное нам в пищу тело, – отвлек его от мыслей голос Бына, и он, подняв голову, увидел, что в руках у старшего оказалась голова онагра, которую тот осторожно уложил между собой и потрескивающими углями очага, – когда придет наш час спускаться в нижний мир, скажи свое слово перед своим народом. Скажи, что тебя убили охотники по обычаю, данному нам всем Эцу. Пусть твое слово защитит нас от безглазых и безногих порождений ночи.

При этих словах, большой и указательный его пальцы опять легко коснулись кости грифа, и Тесугу невольно замер. Сейчас ему скажут уходить, или...

– А сейчас, – негромко, но отчетливо произнес Бын, – мы призовем старых охотников рода к нашему очагу, и попросим их о силе и мудрости.

– Бын, а как же... мертвый, – это был Дияк, он тревожно крутил завязанную в косицу прядь, – разве могут ушедшие увидеть того, кто...

– Тесугу останется, – спокойно ответил старший, – мы не в стойбище, но ведем одного из нас к месту, где сходятся воедино миры. Пусть ушедшие увидят, что мы верны древнему обычаю.

И при этих словах что-то твердое и болезненное вдруг отпустило сердце Тесугу. Ему позволят остаться на вечер предков. Он увидит это, хотя бы за два дня до того, как закончится его жизнь в этом мире.

А Бын, между тем, несколькими легкими движениями выпутал дуду из завязки на шее. Она была сделана из кости грифа – и это все, что полагалось знать о ней. Как неспящие делают их, как заставляют извлекаемые из неё звуки сплетаться воедино, будоража душу и заставляя кожу идти мурашками – не было известно никому.

Бын, между тем, выпутав дуду, снимал с пояса другую вещь, смотреть на которую просто так воспрещалось – связку костяных пластин с тайными знаками. Когда-то давно Тесугу слышал, что пластины эти Бын принес из Обиталища Первых, получив их неким тайным, непостижимым для людей образом, и что костяные изображения могли говорить, если он того желал. Заговорят ли сейчас?

Узловатыми пальцами левой руки он подхватил пластинки, соединенные жильной нитью, и завертел их в воздухе. Стрекошущий, шелестящий звук наполнил уши, и Тесугу ощутил, как задрожали тела мужчин. Темные-на-темном, блестящие и немигающие, девять пар глаз были сейчас вперены в сухопарого, полуголого мужчину, вращавшего костяные погремущки. В тиши гаснущего дня, в безводной пустоте синего неба треск пластин, казалось, долетал до глаз Древних.

Внезапно Бын остановил руку, и треск смолк. Положив пластинки на землю, он поднес к губам зажатую в правой руке дуду, и, казалось, все прекратили дышать. Сейчас раздастся голос духов... И свист поплыл над сполохами гаснущего костра. Бын перебирал пальцами одной руки по четырем отверстиям, второй просто поддерживая дуду, и повторяющиеся звуки мелодии, то стихавшие, то взлетающие вверх, заставляли кожу идти мурашками. Так вот, значит, как оно происходит. Вот что слышат люди, которые допущены на бдения неспящих. Тесугу сжал руки, стараясь запомнить каждый миг.

А прерывистая, рваная мелодия извивалась, поднимаясь и кружась над головами, становясь быстрее и быстрее – и вдруг оборвалась. Бын отвел дуду от губ и впервые поднял глаза на слушавших его.

– Они здесь, – сказал он негромко, – они видят нас. Они слышат нас.

Подняв руку, он указал на небо, усыпанное звездной россыпью.

– Их костры, – продолжал он, – Древние, что говорили с рогатым народом и с горными братьями на одном языке. Они шли сюда из земель, где всегда светло, куда никогда не приходит мрак – и дошли до горных хребтов, за которыми вечная ночь. И видели они медведей с человеческими головами, и говорили со змеями, и вел их Эцу, величайший из них. Он разделил верхний и нижний миры, он дал людям их речь, и увел в горный мир тех, кто был равен ему.

Бын замолчал, и опять поднес к губам дуду, и жалобно зазвучал её голос.

– А потом пришел день его гнева, – почти беззвучно окончил он.

Мужчины молчали, и Тесугу видел, как пальцы некоторых из них блуждают по шрамам. Прикосновение ножа и раскаленных камней – связь с Древними, и боль открывает человеку то, чего он иначе не мог узнать, как сейчас открывают звуки дуды. Но он сам никогда не знал этой боли, и никогда не...

– Смотрите на нас, – вдруг выкрикнул Бын, и Тесугу вздрогнул, настолько неожиданно звучал его высокий сейчас голос, – Древние, знавшие мир, когда он был юн, Древние, ушедшие с Эцу, Древние, давшие людям знание и силу! Мы ведем мертвого, того, чья кровь станет вашей!

И, хотя никто из мужчин не отвел взгляда от лица Бына, Тесугу все равно показалось, что все смотрят на него.

– Он будет вашим, и дожди снова прольются из горнего мира, и придут подземные ключи, и рогатые братья отдадут нам свою плоть, – голос Бына задрожал, лицо исказилось, словно его раздирала какая-то внутренняя боль, он опять поднес дуду к губам, и дикая, причудливая мелодия ожила, закружила, дергая и терзая душу.

А Тесугу сидел, зачем-то сжимая и разжимая руку, и тупо повторял про себя:

–« Я – мертвый. Я – мертвый. Я – ...».

Глава шестая

Нижний мир – один из трех, на которые разделил все сущее Эцу. Оттуда приходят другие народы, те, кто с незапамятных времен живут рядом с человеком. Никто не знает, как это происходит, и неспящие, если кто-то отваживается их об этом спросить, отвечают по-разному. Сходятся все, однако, на том, что, после того, как человек закрывает глаза навсегда и прервется его дыхание, он уходит туда, оставив наверху ненужное ему большое тело.

И там, в нижнем мире, его встречают неисчислимые народы, рогатые, косматые, клыкастые, и решают, обретет ли он новую жизнь рядом с ними, или будет изгнан. И спрашивают они, правильно ли жил человек, соблюдал ли заветный Эцу обычаи, и каждый может говорить за или против него. Если решат, что человек в мире людей поступал правильно, то становится он одним из них, и обретает новое тело, чтобы вернуться на землю в облике антилопы, лисы или волка. Если же нет, то велят ему уйти прочь. Это худшее, что может случиться с любым из живущих. Тогда его дух, не имеющий ни тела, ни покоя, скитается между мирами. Таких духов люди могут видеть лишь ночью, закрыв глаза, но верить им нельзя – они пытаются заманить человека в свою сумрачную страну, чтобы не блуждать там в одиночестве.

Верхний же, или, как говорят неспящие на бдениях, горний, мир, населен теми из Древних, кого Эцу признал достойными уйти с собой. В сиянии дня они спят, но ночами зажигают бесчисленные костры и смотрят вниз. И лишь крылатый народ может с ними говорить.

Тем вечером они ели плохо пропеченное мясо, опять – от него уже болело и крутило чрево, заставляя вставать ночью. Никаких трав, чтобы сдобрить вкус, лепешек из молотых зерен, плодов, которые он так любил. Но даже эта скудная вечеря – последняя. Больше он не будет есть в этом мире ничего, ни в этот последний день их похода, ни в тот, который проведет возле Обиталища Первых. Там предстоит пройти последние обряды, которые подготовят к мгновению, когда горло его будет поставлено под обсидиановый нож. Но, до того, тело должно очиститься от всего, что связывает его со срединным миром, миром людей.

Тесугу думал об этом, очнувшись от тяжелого забытья, дрожа, не то от утренней прохлады, не то от предчувствия. Сегодня последний день их похода – вчера, закончив заклинять духов, старый Бын сказал им, что они выходят на равнину и, не успеет погаснуть свет в небе, увидят Обиталище Первых. Место, куда сходятся люди со всех концов земли, где только звучит язык человека. Где заклиняют жителей нижнего мира, жгут костры во славу Эцу, где меняются вещами и женщинами... где убивают таких, как он.

Вопреки их опасениям, ночь прошла спокойно. Бын и, вместе с ним, кто-то из мужчин, по очереди стерегли их маленький лагерь, разгоняя сон и безглазые серые тени то звуками дуды, то пением. Но немые не появились. Рассвело, скоро пора будет выходить в путь.

И они пошли, после того, как доели оставшееся со вчерашней вечера мясо – все, кроме Тесугу, конечно. С удивлением юноша понял, что голод не так его мучит, как он того опасался. Напротив, все чувства словно сделались острее, и даже избитые ноги ступали легче. Бредя на своем обычном месте, в самом хвосте их отряда, он оглядывался по сторонам, примечая, как менялась местность. Перевалив за невысокую гору, под которой был разбит ночлег, теперь они ступили на плоскогорье, местами поросшее кустарником и пересеченное небольшими рошицами. Шедший впереди Бын иногда останавливался, и, крутя головой, выискивал знакомые только ему знаки, потом поворачивал в ту или другую сторону. За весь день они не увидели ни газелей, ни антилоп – рогатые братья словно избегали священных для людей мест. Зато дважды они натыкались на признаки того, что перед ними тем же путем шли и другие. Раз встретили они потухший костер и остатки лагеря, второй раз – место стоянки без костра, объединенные

кости, кусок разорванной кожи, и, в стороне – то, что отторгло тело человека. Тесугу ожидал, что, после его рассказа люди будут встревожены, но нет, они оживленно переговаривались, гадая, откуда были эти люди. Сейчас, почему-то, все были уверены, что это следы людей, а не немых.

– День равный ночи, – сказал Бын, когда они второй раз наткнулись на следы неизвестных людей, – охотники разных родов будут приходить сюда. Наверное, они приведут и своих меченых духами, ведь их кровь должна успокоить нижний мир.

Он не смотрел на Тесугу, так же как не смотрели в этот день на него и другие, просто делая вид, что его с ними нет. И юноша понимал, почему. Чем ближе немые стражи нижнего мира, воплощение гнева Эцу, тем меньше и жизни в нем самом. Смерть, что витала над ним с рождения, сейчас глядит из его глаз – а для человека лучше не смотреть ей в лицо лишний раз. Бездумно переставляя ноги – несмотря на страх и почти такое же мучительное любопытство, тело все-таки брало свое, и горло все настойчивее просило воды – Тесугу думал о том, что увидит, спустившись туда. Исчезнет ли знак, злосчастная раздвоенная губа, которая определила его жизнь в мире людей? И кто позаботится о его теле? У них в роду, когда глаза человека закрывались, и он уходил в нижний мир, ставшее ненужным ему тело отдавали крылатому народу. На нарочно выбранных скалах тела клали так, чтобы шакалам и прочим падальщикам было тяжело добраться с земли – зато на виду у крылатого народа. И крылатые слетались и пировали день за днем, обмениваясь гортанными криками и размахивая черными крыльями, и от них Древние узнавали о том, что еще один человек покинул мир людей. По прошествии нескольких лун, неспящие, вместе со старшими из рода, поднимались на скалы и забирали отполированные клювами птиц и ветром кости, после чего прятали их в тайное место, чтобы мертвец, вернувшийся в мир в ином облике, не нашел их.

Тесугу знал, как нужно поступать правильно, но сейчас – укроют ли его кости как должно? Или же его тело бросят в пищу шакалам, и его дух, отмеченный уродством, так и будет бродить по этой пустынной земле?

Мысль эта показалась ему вдруг настолько страшной, что он запнулся и остановился, пытаясь её переварить. Он никогда еще не спрашивал, что же случается с телами тех, кто отдан нижнему миру?

Словно ощутив спиной, что он сбавил шаг, один из мужчин, замыкавших их отряд, повернулся в пол-оборота, и глухо бросил, стараясь смотреть мимо Тесугу:

– Не отставай, мертвый, мы уже почти пришли.

И юноша поспешно двинулся следом за остальными.

Он не знал, сколько им предстояло пройти в этот день, и предполагал, что они должны добраться до места, когда стемнеет. Но желтый глаз Эцу все еще стоял над небокраем, бросая их длинные, неровные тени на каменистую землю, когда Бын остановился и повернулся к ним.

– Мы станем возле того холма, – сказал он, показав на невысокую гряду рядом с ними, – переходить его не будем. С другой стороны уже видно Обиталище Первых, и вам можно будет на него смотреть только в ровный день.

Тесугу почувствовал, как вздох облегчения, словно легкий ветерок, пронесется среди мужчин – они шли этот день почти без остановок, и даже сильные охотники устали. Что касается его самого, то он только сегодня почувствовал, насколько вымотан длинным путем. Живот подвело, отчаянно хотелось пить, саднили ноги, и колело где-то в груди. Боль в теле почти совершенно выбила из головы страшные мысли, которые донимали его с утра, и сейчас он больше всего хотел просто лечь и не двигаться.

– Мы станем за тем холмом, – словно услышав его слова, повторил Бын, – и вы сможете отдохнуть. А мы поднимемся на скалу, я и Тесугу. Он должен отдать последнее духам рода.

У него что-то трепыхнулось в груди при этих словах. Отдать духам рода – что, у него же ничего нет! И никто не говорил ему о том, что ему придется отдавать еще что-то. Тесугу чуть

не спросил об этом старшего вслух, но успел прикусить язык. Чему-чему, а молчать, когда не спрашивают, в стойбище учили хорошо. Что ж, он отдаст, что бы там ни было. Что такого он может потерять, если жизни его осталось на день и две ночи?

До гряды, которая должна была послужить местом их отдыха, защитой от дующего со стороны заката ветра, но так же скрыть от их глаз то, что видеть слишком рано, они добрались быстро. И вскоре мужчины уже разворачивали свои шкуры на земле, готовя место, чтобы прилечь, и решали, кому отправиться в недалекую тощую рощицу поискать сухие ветви для костра. А Бын, между тем, положив свою ношу, распрямился, и Тесугу увидел в его руке кожаную перевязь с привязанными к ней зубами, не то волка, не то леопарда.

– Ты снимешь с себя все, и закроешь этим глаза, – сказал он.

В отличие от остальных, Бын смотрел прямо на него спокойно и без увертки.

Поколебавшись мгновение-другое, Тесугу сбросил с себя идущую вокруг пояса повязку из выделанной шкуры. Ночью она служила ему защитой от холода и острых камней, днем же... в стойбище ходить нагим было не принято, но в охотничьих лагерях не существовало подобного запрета. И вот он уже развязывал жилую веревку, державшую на ногах обувь.

Повязка легла на глаза.

– Ты пойдешь со мной вверх, – услышал он голос Бына, и кивнул, стоя в своей черной слепоте, думая о том, что повязка, должно быть, должна помешать ему увидеть место Древних раньше срока. Но что он может отдать духам рода, нагой, босой и такой далекий от мест, где родился?

По окрику старого Бына он двинулся за ним, осторожно ступая между округлых камней. Путь на холм был недолгий, округлые валуны позволяли ступать вполне уверенно даже вслепую, по голосу Бына, и Тесугу невольно подумал, что так не бывает. Камни лежали так ровно, словно кто-то разместил их... впрочем, несмотря на это и свою осторожность, он пару раз болезненно задел края валунов пальцами, с трудом удерживаясь от вскрика.

Когда поверхность под стопой стала ровной, Тесугу ощутил, что они оба – дыхание Бына доносилось откуда-то слева – стоят на каком-то невысоком холме. Ветер здесь усилился, по телу бежала дрожь, в животе болезненно сосало. Что собирается делать Бын?

Словно услышав его мысли, Бын заговорил надтреснутым, глухим голосом:

– Отпустите дух этого юнца, о, смотрящие на нас из ночи, о, ушедшие в нижний мир. Он сосал грудь наших матерей, ел за нашими очагами и слушал духов рода, но нам не принадлежал. Жители нижнего мира назвали его своим от рождения, и принадлежавший им – к ним и уйдет. Кровь его прольется в нижний мир, и напоит его темных духов, и вернутся они в наш мир, чтобы была у детей наших пища и укрытие. Ты стоишь перед концом твоей жизни, Тесугу, – на этих словах голос старого Бына вдруг прыгнул вверх, так, что юноша вздрогнул – ты, родившийся мертвым и меченый знаком нижнего мира, пришел сюда, чтобы исполнить волю Эцу, и дать свою кровь жителям нижнего мира. Готов ли ты?

– Готов, – голос юноши надломился, как сухая ветка, он попробовал сглотнуть, но в горле пересохло. Он готов, но к чему?

– Ты отдашь духам рода знак мужчины, – Бын сейчас стоял перед ним, невидимый, так близко, что Тесугу ощущал запах из его рта, – и эта кровь уйдет предкам. Но для жителей нижнего мира, для Первых и всех Древних ты отдашь её уже не мне.

Он кивнул, хотя Бын не спрашивал его ни о чем – все решено, и его согласие не требуется. Так надо было – он, не знавший прикосновения ножа и раскаленного камня, не носивший на теле знаки охотника, не мог совсем не отдать крови роду, и будет это...

Тесугу почувствовал, как грубая рука хватает его за ту часть тела, что ему ни разу еще не позволили использовать, как надлежит мужчине, зажимает – и в следующий миг его опалила боль, жгучая и соленая. Юноша едва успел поймать свой крик на кончике языка, до крови прикусив нижнюю губу, и согнувшись.

– Сними повязку, – голос Бына изменился, теперь он звучал устало и отстраненно, словно мужчина, наконец, выполнил какую-то тяжелую работу и приходил в себя.

Дыша тяжело, сквозь зубы, от палящей боли между ног, Тесугу несколькими неловкими движениями сорвал маску. Он думал, что посмотрит сразу прямо перед собой, чтобы увидеть то, к чему его вели так долго. Но, вместо этого, он опустил голову, чтобы взглянуть на рану – край его члена покрылся кровью, сочащейся и капающей вниз. Боль пульсировала мучительными толчками, и ему снова захотелось застонать. Краем глаза он увидел на земле, в шаге от себя, крошечный окровавленный кусочек плоти – то, что он отдал духам предков.

Спохватившись, юноша поднял глаза – и боль внезапно оказалась где-то далеко, словно сама испугалась увиденного. Он молчал и смотрел, просто смотрел. Перед ним была покрытая кочьями кустарника равнина, посреди равнины вздымался невысокий холм. А на холме стояли камни. Нет, даже не камни, а... тут Тесугу не мог ни с чем сравнить, потому что ничего подобного ранее не видел. Каменные исполины, от которых, даже на таком расстоянии, исходило чувство грозной мощи, стоял кругом, расположенные так ровно, что это казалось невероятным. И под ними – ряды других камней, из очертаний которых складывалось нечто, непонятное взгляду, но явно имевшее смысл. Место завораживало своей неестественной, не встречавшейся в мире людей силой и... он искал слово, и понял, что не знает такого слова. Даже если бы ему пришлось вернуться в стойбище, нелегко было бы описать это людям, которые не видели ничего даже отдаленно похожего. Изо всех сил щурился глазами, Тесугу всматривался в каменный круг, пытался впитать его взглядом. Вот, значит, оно какое – Обиталище Первых, о котором столько слышал ранее, место, где был открыт нижний мир.

– Здесь Первые обратились в камень, чтобы хранить волю Эцу, – хрипло сказал Бын, стоявший рядом с ним, тоже совершенно нагой, но с ножом в правой руке, – и здесь ты умрешь.

Глава седьмая

Есть наш мир, мир дня, в котором живут люди. Они охотятся, едят, разговаривают и соединяются друг с другом. В мире дня ты можешь коснуться всего – камня, воды, шкуры, и что угодно может коснуться тебя. Ты чувствуешь боль, похоть, голод.

Но все меняется, когда огненный глаз Эцу гаснет на закате. Когда темнеет, и усталость наполняет члены, когда веки становятся тяжелыми – приближается он, мир ночи. Это время, когда человек должен закрыть глаза и отпустить своего духа.

Не принято говорить, куда уходит твой дух, и с кем он встречается в мире ночи. Но встречи эти бывают жуткими – и люди кричат и дергаются, лежа в своих хижинах. Бывает же и так, что человек внезапно возвращается назад, открывая глаза посреди густого мрака. И до него долетают далекие голоса или слабые шорохи, и такой человек знает – они здесь. Ночные духи, безглазые и не имеющие постоянных очертаний. И людям страшно, так страшно, что не могут они даже выйти наружу и облегчить тело, и терпят до утра, либо делают, что нужно, в хижине.

Лишь немногие способны встретиться с ночными тенями, когда их глаза открыты. С незапамятных времен умеют они заклинать безглазых духов игрой на дудках и шумом трещоток, нужными словами и сожженными на костре травами.

Таких людей называют неспящими и им дарована великая сила. С неспящими же и говорили Первые, возглаголав им волю Эцу, ибо никто больше не мог их понять.

Ночь, последняя среди людей, закончилась, и он опять вернулся в мир живых из сумеречной страны. В этот раз всё было особенно тяжело и странно. Место, где прикоснулся нож Бына, горело, хотя старший и помог ему унять кровь. Переворачиваясь на своей шкуре, дрожа и тихо вскрикивая от боли при каждом резком движении, он то в немом ужасе смотрел вверх, где пылали костры Древних, то проваливался в сон. Все знали, что, когда глаза человека закрываются ночью, темные, невидимые глазу духи уводят заснувшего в свой мир, и часто открывают ему такое, что неведомо людям, над которыми пролит свет дня. Сейчас, когда он так близок ко дню своего предназначения, Тесугу с трепетом ждал от ночных духов откровений, которые бы объяснили ему смысл происходящего, жизни людей и его собственной, такой короткой. Но, вместо этого, виделись ему только лица родичей, нелепые и сменявшие друг друга одно за другим, говорящие лисы и птицы с человеческими головами. Сейчас, съезжившись на своей накидке, он пытался осознать, что ему открылось, но не мог вспомнить ничего внятного.

Его спутники, между тем, тоже просыпались, один за другим. Мужчины поднимались, отряхивались, сбрасывая с себя одурь ночи, освобождали тело от лишнего и тихо переговаривались. Двое ушло за водой – Бын объяснил им, где её здесь можно найти – другие занимались обычными утренними делами. На него не смотрели вообще. Теперь, отдав роду последнее, что ему принадлежало, он прекратил быть одним из них окончательно. Ранее его могли называть «мертвым», но, все-таки, обращались, теперь же не называли никак. Он для них просто уже был не здесь. И, завернувшись в колючую, затвердевшую от ночной прохлады шкуру, раздвинув ноги, чтобы не касаться бедрами раны, Тесугу вслушивался в обрывки их разговоров.

Вскоре он понял, что говорят мужчины о людях по соседству с ними. Оказалось, они уже знают, где разбили лагеря другие отряды. Ночью, пока он дрожал от холода и боли, сородичи приметили их костры. Ну, конечно, иначе и быть не могло – сейчас, в равный день, роды с разных концов земли отправляют сюда своих посланников. Но цель их прибытия остается неизвестной для посторонних. Должны ли они привести меченого, вроде него, чтобы пролить его кровь, хотят ли просить об избавлении от терзающих тело духов, ищут ли совета ушедших,

или желают говорить с мудрыми по иной причине – все это знают только люди самого рода и их неспящие. Но это не значит, что друг с другом нельзя общаться.

...тоже их видели, – донесся до него чей-то возбужденный голос, – когда шли мимо леса. Их следы...

– Я не верю людям с плоскогорий, – прервал его другой, кажется, это был Егд, – их речь звучит так, словно у них камешки за щеками, и они красят тело. Такие могут сказать все, что захотят, и...

– Когда Люди Камня будут здесь, мы должны спросить о немых, – заговорил кто-то третий, и Тесугу вздрогнул.

Люди камня – нельзя не подойти к Обиталищу Первых и не услышать об этом странном племени, и как всегда, упоминание о них вызвало разные чувства. Их не любили, им завидовали и боялись – но так же с нетерпением ждали встречи с ними, ведь они могли принести самый редкий камень или искусно сделанные предметы из него. Кроме того, с ними всегда появлялись Первые – не те, кто были изначально, но их воплотившиеся в плоти и крови потомки, говорившие с теми, кто был изначально.

При мысли о Первых он остро вспомнил то, что видел вчера с кручи. Застывшие вдалеке силуэты, словно окаменевшие языки гигантского костра – странное сравнение пришло на ум, место гнева Эцу. Те, что отнимут его жизнь. При мысли о том, что случится этой ночью, на него будто обрушилось что-то невыносимо тяжелое и душное, и тело жалобно застонало. Живот отчаянно требовал пищи, и, еще больше, воды, ноги, разбитые о камни, ныли, и жгло раскаленным угольком обрезанную мужскую плоть. Он попробовал сглотнуть, но не смог, слишком пересохло горло.

Это было уже чересчур, и Тесугу вдруг ощутил, как тихо, без слез, стонет и всхлипывает.

– Этой ночью тебе откроется тайна Первых, – услышал он голос откуда-то сбоку, – ты – тот, кто выбран жителями нижнего мира. Когда взойдет огонь в небе в следующий раз, ты будешь уже там.

Юноша приподнял голову, и столкнулся глазами со старым Быном. Конечно, кто еще мог отважиться заговорить сейчас с ним. Краем глаза он увидел, как сидевшие у очага мужчины, при звуках голоса старшего, напряглись и замолчали на мгновение, прервав свой разговор. Выпрямившись, Тесугу сел на своей накидке, кривясь от боли (не получилось не задеть рану) и повернулся на голос.

Бын стоял за ним, и выглядел сегодня особенно. Все, конечно, видели, что он нес с собой мешок, сшитый из двух заячьих шкурок, но делали вид, что не замечают. Негоже спрашивать и безопаснее не знать, что скрывают в мешках неспящие. Но теперь уже все могли это увидеть.

Громоздкая повязка вокруг бедер, которая была ему и ночной накидкой, сейчас оказалась развернута, и плотно облегла ноги до бедер, сзади спускался волчий хвост. На шее, где ранее висела дуда, появилась вторая перевязь, на которую нанизывались две раковины, отщепы почти прозрачного камня, просверленный львиный зуб и костяные пластинки. В одной руке Бын держал свою костяную палицу, в другой же сжимал свою связку дисков из костей, и Тесугу невольно вперился в них, ибо слышал – они были принесены отсюда.

– Это знаки жителей нижнего мира, – проследив за его взглядом, сказал Бын, – и в каждом живет малая часть той силы, что заключены в камне. Ты все увидишь, когда исчезнет тень.

– Когда исчезнет тень? – повторил Тесугу, – но разве... я думал, они явятся ночью, когда...

– Первые явятся ночью, – нетерпеливо перебил его Бын, – но отвести тебя, и других к Обиталищу надо будет, когда исчезнут тени. Вы проведете последнюю часть дня там.

– А сейчас..., – неуверенно спросил Тесугу.

– Жди, – отрезал Бын, в дыру на крыле его носа была вставлена расщепленная птичья кость, из-за чего все его лицо казалось каким-то скошенным. Он повернулся и пошел, покачивая своими сплетенными в узкие косички волосами. А Тесугу остался ждать.

Ожидание тянулось медленно и мучительно. Он лежал, но потом поднимался, и медленно бродил вокруг, стараясь ставить ноги пошире, и так и не прикрывшись накидкой. В голове все смешалось – силуэты Первых на холме, горящие в небе костры, и их собственный, за которым сидели его (бывшие) сородичи, голый Бын с окровавленным ножом в руке. Он давно принял судьбу, высеченную на его лице, потому что у человека нет иного выбора, но не прекращал надеяться, что, по крайней мере, к нему придет ясность. И, став перед тем местом, он поймет, зачем была вся его жизнь, и кому он должен отдать кровь. Но ничего яснее не становилось – лишь набор слов, не складывавшийся воедино. Если Эцу и прочие Древние наверху, в горнем мире, что им до мира людей? И, тем более, до нижнего мира, куда те уходят, покидая тело? Если из нижнего мира приходят другие народы, включая рогатых братьев, дающих свою плоть, то что страшного в том, что воля Эцу открыла туда вход, и зачем его нужно хранить? Слишком много вопросов, от попыток ответить на которые у него начинала болеть голова – вдобавок к подведенному голодной болью животу. Если бы ему позволили хотя бы выпить!

Тени, между тем, неумолимо съеживались, ползли к ногам. Из-за гряды показались люди – четыре человека приближались к их лагерю, и Тесугу обратил внимание на того, кто шел впереди. Мужчина, голый до пояса, но с причудливо выкроенной повязкой ниже, его тело было раскрашено белесыми полосами, образовывавшими странный, завитой узор на животе. Волосы были срезаны на передней части головы почти под корень, открывая бугор огромного шрама. На груди висела длинная костяная дуда. Неспящий, такой же, как Бын. Видно, это и есть люди с плоскогорий. За ним шел странный юноша, нагой, растрепанный, и перемещавшийся дерганой походкой. Отсюда было видно, что он непрерывно что-то бормотал, но слова не доносились до них. За ними шагало еще двое мужчин, выглядевших, как обычные охотники.

Они направились к их очагу, вокруг которого сейчас находилось лишь три человека, и там неспящий вполголоса спросил что-то у Егда, чего Тесугу не расслышал, поглощенный человеком, которого привели с собой незнакомцы.

Между тем, Бын, один из оставшихся у очага, встал, обменялся несколькими словами с неспящим из другого рода, потом снял с груди дуду, поднес к губам, и издал пронзительный свист. Так необычно было услышать это днем, что кожа Тесугу пошла мурашками. Он понял – пришло время.

Поняли это и другие. Сидя на земле, он смотрел, как его сородичи один за другим возвращаются в лагерь, мрачные и сосредоточенные. Бын с каждым из них говорил о чем-то, до юноши долетали лишь отдельные слова, но потом он повернулся и подошел к Тесугу.

– Вставай, принадлежащий нижнему миру, – голос старого Бына сейчас звучал так напряженно, что у Тесугу по спине пробежали мурашки – время пришло. Ты встретишь свою судьбу.

И он поднялся, на дрожащих ногах, не в силах отвести взгляда от горевших священной яростью глаз Бына. Попытался что-то сказать, но понял, что язык его не слушается, и просто молча кивнул.

Бын, видимо, и не ждал ответа, но, повернувшись, двинулся в сторону кручи, а за ним, как Тесугу заметил, пошел и второй неспящий из чужого рода, двое мужчин и тот странный юнец, не прекращавший мотать головой и бормотать что-то.

Странное чувство овладевало им, по мере того, как они, перевалив через гряду, шли по плоской равнине к холму, и черные каменные тела Первых казались все отчетливее. Тесугу казалось, что он раздвоился – и, пока его тело бредет по земле, измученное усталостью, голодом и болью, дух его отделился и смотрит на все со стороны. Словно сквозь ночной морок он понимал, что у него болят избитые за время похода ноги, что рана между ног болезненно саднит при каждом шаге, что отчаянно тянет пустой живот и пересохло горло. Но это больше

не имело для него значения, он скорее замечал это, чем именно страдал – ибо все, что звалось Тесугу сосредоточилось сейчас на наплывавшем на них Обиталище Первых.

Оно было еще мощнее, еще невероятнее, чем ему казалось издали – сейчас, когда они были так близко, Тесугу разглядывал вереницу фигур. Застывшие в камне Первые, со скошенными, ровными чертами голов, безликие и безрукие, но все равно, как будто указывавшие друг на друга, и вперившие взгляды куда-то в середину. Больше чем в два его роста высотой, застывшее воплощение беспредельной мощи. И под ними – другой каменный ряд. Такие же неестественно ровные камни, подогнанные один к другому, они образовывали странное подобие жилищ.

Совсем близко.

– Стань, – услышал он окрик за собой, и остановился, не думая, что надо делать теперь. Кто-то вырвался вперед, и он искоса увидел, что нелепый парень, которого вели вместе с ним, продолжил идти своей дерганой походкой.

– Стань! – донесся за его спиной выкрик, в этот раз человек говорил странно, словно чего-то не хватало у него во рту, и потом он увидел, как мужчина метнулся вперед и ухватил дергающегося юнца за плечо.

Не оборачиваясь, Тесугу смотрел перед собой. Вот оно, Обиталище Первых, прямо перед ним, и полета стрелы не будет. Так близко, что он может, всмотревшись, различить знаки на поверхности камня.

– Сними, – снова услышал он голос за спиной, и сообразил, что это был старый Бын. Ему нечего было снимать, он шел сюда нагой. Но, мгновением позже, он сообразил, и нагнулся, открепляя от ног обувь. Истертые до дыр куски кожи с дырочками привязок бессильно упали на камень.

– Теперь идите! – проговорил голос сзади, и Тесугу качнулся вперед, точно во сне.

Все ближе и ближе, каменный ряд, распавшийся на отдельные части, и над ним – исполнинские фигуры. Отсюда они показались ему еще выше, чем ранее. Но куда они толкают его, куда ведут? Ведь все должно произойти ночью, а сейчас...

– Я поведу их, – услышал он за спиной тот самый голос, что странно выговаривал слова, а другой, принадлежавший старому Быну, ответил:

– Я был здесь, и Первые коснулись меня. Вот знак их силы. Мы пойдем вдвоем.

И за его спиной послышались шаги. Все еще не решаясь повернуться, Тесугу увидел, что Бын и второй неспящий с раскрашенным телом обогнали их и пошли прямо к каменному ряду.

– За нами, – бросил Бын, не оборачиваясь, однако обернулся его товарищ, и по его лицу, такому же раскрашенному, как и тело, пробежала яростная гримаса. Сделав шаг куда-то в сторону, он выкрикнул:

– Он больше не ваш, духи ночи! Он пришел к месту, которое ему уготовал Эцу.

Бын не замедлил хода, и Тесугу, двинувшись за ним, сообразил, что его спутник, странный юноша, которому надлежало умереть вместе с ним, не хочет идти. Так же отстраненно он удивился, может ли человек противиться своей судьбе? Если он был рожден для того, чтобы умереть в Обиталище Первых в равный день, то как он может сейчас проявлять непокорство? Или настолько сильны овладевшие им духи?

Вслед за Быном, Тесугу приближался к стоящим сторчмя камням и различал на одном из них знак – клювастую голову, размах крыльев. Кто-то из крылатого народа, тот ли, кто унесет весть о его смерти для Эцу? Местами камни образовывали странные уступы, и он с неожиданным страхом увидел, как Бын ставит ноги на один, потом на второй, и взбирается на верхушку камня, замерев там. Остановившись внизу, Тесугу растерянно посмотрел перед собой. Сложенные рядом камни, на которых даже сейчас видна соединившая их мощь, силуэт птицы, смотрящей вверх, полукруглый знак, и...

– Поднимайся! – глухо сказал сверху Бын, и одновременно он услышал за собой шаги. Второй неспящий все-таки совладал со строптивым парнем. Ощущая, как слабость размягчает колени, Тесугу поставил одну ногу на камень, потом сделал еще шаг. И вот уже мог заглянуть в место, куда допускали совсем немногих. Место, где он сойдет в нижний мир.

Как же странно оно выглядело! За первым кругом камней, на одном из которых стоял он сам, был второй – мощные истуканы, тела людей без рук, и ног. Даже сейчас их рубленные головы были выше его собственной, и стояли неестественно ровно – точность расстояния завораживала. Наконец, внутри круга Первых был третий круг, совсем маленький. Он состоял из тяжелых камней, сложенных так, что образовывали невысокую, едва в его рост, стену. В ней отчетливо виделись два отверстия, из которых даже сейчас словно сочилась тьма. Перед одним из них стоял небольшой камень, напоминавший то ли волка, то ли лису. Бын направился к нему.

Тесугу сошел по камням вниз – по ту сторону они стояли так же, уступом, и ощутил под босой ногой странную поверхность. Это был камень, но не такой, какой ему приходилось когда-либо видеть и ощущать. Не гладкий, начищенный ветром, не ребристый – странная, серовато-шероховатая поверхность покрывала всю внутреннюю часть круга. И, подняв голову, Тесугу осознал, что он стоит прямо под пересечением взглядов Первых. Ему показалось, что в лицо ударила волна их гнева. Остатки сил вдруг оставили его, как и чудная отстраненность, и ноги подогнулись.

– Я сделаю все, что нужно! – закричал он, шатаясь и обхватив голову руками, – я готов!

В ушах загудело, и черные точки поплыли перед глазами. Он сам не ощутил, как странная поверхность, не земля и не камень, ударила его в щеку.

Глава восьмая

Роды людей, жившие по всей земле, происходили от тех Древних, кого Эцу вывел из земли предков, и оставил жить в срединном мире. Им был дан язык, общий, чтобы они понимали друг друга. Но они расходились все дальше и дальше, и забывали, как говорить правильно. И вот уже случилось, что приходили на мены люди из родов с разных концов земли, а речь их звучала настолько различно, что сначала они только смеялись, а потом едва могли понять друг друга.

Но все же они помнили человеческий язык, хоть и искаженный. Но иногда, на вечерях, когда спрашивали тех, кто много видел, можно было услышать и о тех, кто забыл человеческий язык вообще. Встречали таких нечасто, и лишь те, кто, по какой-то причине, уходил очень далеко от родных стойбищ – например, к закату, к широкой воде без края, или к болотам полудня. Там, бывало, они натыкались на них.

Как говорили странники, те люди выглядели вполне по-человечески, но говорить с ними было невозможно, не более, чем с турами или кабанам. Из их рта исходили звуки, не имевшие никакого смысла, и даже отдаленно не похожие на тот язык, что дал людям Эцу. Как так случилось, и кем были те люди, никто не мог ясно рассказать, и оставалось только гадать, какая страшная кара и за что их постигла.

Были, конечно, другие народы, с которыми люди не могли говорить – косматые горные медведи, рогатые братья, пасущиеся на равнинах, свирепые хищники. Их языки, тоже данные Эцу, были понятны лишь неспящим, которые могли обращаться к ним и заклинать перед охотой.

И, конечно, еще немые, о которых лишний раз старались не упоминать. Да и нечего про них говорить, ибо ни к какой речи белесые твари из-за гор способны не были.

Очнулся он от боли. Болело всё тело – живот, спина, плечо, мужской конец, локоть, ступни ног. Тесугу пошевелился, и боль сделалась сильнее. Не выдержав, он тихо застонал, раскрывая глаза, еще не понимая, где находится – и ответный стон был ему ответом. Он прозвучал так странно, так естественно высоко, что сознание разом вернулось к Тесугу, а, вместе с ним, пронзительный страх. Подскочив на ноги, он распахнул глаза, судорожно оглядываясь. Разбавленная тьма вокруг, сгущавшаяся почти непроглядно возле его ног, дрожащий свет где-то за головой – но сейчас его больше занимал тот, кто издавал звуки рядом с ним. Света, даже обкусанного темнотой, хватило, чтобы он разглядел в нескольких шагах от себя силуэт человека. Черты были неразличимы, но, судя по всему, неизвестный сидел на земле, скорчившись. Потом он пробормотал что-то неразборчивое, и тут Тесугу вдруг осознал, кто это. Тот парень, которого вели вместе с ним. Раз его тоже предназначили для смерти сегодня, то стоит ли удивляться, что он и сейчас рядом с ним в... но где они оба?

Первоначальное потрясение отпускало, и он начал понимать, что их двоих поместили в какое-то подземное жилище. Мысль о том, чтобы жить под землей, не такая уж и странная. Жилища в их стойбище – не шалаши на временных лагерях плоскогорья, конечно, а настоящие жилища в долине – тоже выдалбливались в земле. Бока подпирались камнями, ими же вымащивался пол и огораживался очаг. Но здесь все было по-иному. Под ногами – не земля, не камни, а та же странная, чуть шершавая, но ровная поверхность, сбоку же... Он протянул руку, и она коснулась холодной каменной глыбы. Потом сделал шаг в другую сторону, все под сопровождение бормотания, и опять рука уперлась в ровный, гладкий камень. Они огорожены в каменной ловушке, напоминавшей тесную пещеру, но только сотворенную... здесь легкая одурь, в которой пребывал Тесугу после того, как пришел в себя, спала окончательно, а память

вернулась. Он в самой сердцевине Обиталища Первых, может, в шаге от того места, где открыт вход в нижний мир. И сюда его привели ждать ночи и смерти.

Он думал, что мысль эта опять исторгнет у него крик ужаса, что он задрожит, как там, наверху, пронзенный гневными взглядами каменных стражей. Но, кажется, что-то в нем устало от страха, или же просто его душа, прибыв, наконец, в предназначенное ей место, успокоилась. Сейчас он мыслил совершенно ясно, с тем чувством отстраненности, которое испытал, пока они брели через равнину.

Свет падал из-за спины. Тесугу повернулся туда и увидел над собой что-то вроде прохода, окутанного слабым сиянием раздробленного дневного света. Ну да, оттуда его, стало быть, и приволокли. Наверное, отсюда можно будет выбраться, но куда и зачем? Он там, где должен быть, в месте, о котором говорил сначала прежний неспящий, а потом и Бын. В месте, которое хочет его крови, чтобы мир людей мог существовать, как и прежде. И он медленно, стараясь не потревожить рану, опустился на странную поверхность. Надо ждать своей судьбы – значит, он будет ждать.

И ожидание потянулось. Он не хотел ни о чем говорить с юношей, который ждал смерти рядом с ним, но вскоре убедился, что такой возможности и не было. Духи, пометившие того, не позволяли ему говорить с другими, и он только бормотал что-то неразборчивое, стонал и хныкал, так и не пытаясь подняться. Хотя, пару раз Тесугу слышалось слово «еда». Наверняка, его тоже не кормили последние два дня, и сейчас, когда его собственный живот сводили мучительные судороги, это слово особенно сильно язвило слух. Он что не понимает, что для них все кончено с миром людей? Они больше не едят и не пьют, они избавились от съеденного и выпитого (что было очень кстати сейчас, когда оказались заперты здесь), так чего же он ноет?

– Замолчи! – не выдержав, бросил он беспокойному юнцу пару раз, это действовало, но лишь на короткое время. Потом тот снова начинал хныкать и бормотать. Прекратив обращать на него внимание, Тесугу пробовал думать о нижнем мире, о месте, куда уйдет сегодня. Будет ли у него и там его знак, проклятая раздвоенная губа, или этим он мечен только для мира людей? Что скажут ему духи предков, тех, что ушли до него? И что делать, когда окажется, что нет ни одного из рогатых братьев, кто мог бы поднять голос за него, сказать, что не нарушал он никаких обычаев, и жил правильно?

И в раздумья постоянно вплеталось виденное сегодня. Это место действительно поражало – пусть он немного видел в своей жизни, пусть никогда не бывал на стойбищах других родов, но знал (как ему казалось), как живут люди, и как выглядит то, что они создают своими руками. Но кто же сотворил все это? Первые окаменели волею Эцу, но кто воздвиг все остальное? Ровные ряды камней, знаки, призывавшие другие народы. Сейчас он ясно помнил, что вход в их яму охранял камень, который непостижимым образом приобрел форму кабана. Людское ли умение сотворило это? Или тот тоже окаменел вместе с Первыми? И что будет после... потом, когда кровь покинет его тело? Отдадут ли его в пищу крылатому народу? Или выбитые в камни птицы оживут, и очистят его тело от плоти? И, ни с того, ни с сего, ему вдруг вспомнился лагерь немых. Как много ему случилось повидать за эти дни. Встретить не-людей, стоять под безглазыми взглядами Первых. Он снова вспомнил худую фигурку, ту девушку-немую, которая сидела в стороне от лагеря сородичей. Сейчас ему казалось, он понимал, что так зацепило его в этом зрелище. Немая была отдельно от прочих, занимавшихся своими делами, она была словно изгнана из их круга, как будто... как он, собственно говоря.

Свет, падавший из невидимого отверстия, между тем, бледнел и пропитывался вечерней краской. Ночь совсем близка.

Осторожно двигая затекшими ногами, он ждал, ждал – и радовался что страх, так не вовремя настигший его у входа, больше не терзает. Он сможет встретить все, что должен, сможет сказать свои последние слова в мире людей, когда к его горлу поднесут нож, сможет...

Так он думал, пока не услышал звук. Сначала могло показаться, что это просто бормочущий юнец застонал громче обычного, да только исходил звук с другой стороны. Со стороны проема, где дневной свет уже померк окончательно, погрузив их в почти полную темноту. Словно – он поискал сравнение – когда-то он слышал, как ревет раненый тур, и это звук был чем-то похож. Но что может делать рогатый гигант здесь, да еще ночью? И, словно отвечая его мыслям, звук повторился снова, и прозвучали шаги. Кто-то снаружи приближался к их пещере.

Это за ними, понял Тесугу, различив, как человек – если это был человек – спускается. Что-то словно скрутило его изнутри, все сжалось, словно тело хотело уйти от занесенного над ним ножа. Кровь ударила в виски, и юноша почувствовал, что ему не хватает дыхания.

Между тем, неизвестный был уже совсем рядом, Тесугу различил дыхание...а потом хриплый голос сказал:

– Выходи!

И, при его звуке, он вскочил на ноги, словно стараясь отдернуться назад, подальше от звучащей в словах неизвестного смерти. Сзади опять захныкал, бормоча что-то, странный парень, а Тесугу смотрел только на то место, где тьма немного расступалась – открывая еще большую тьму, черный сгусток, напоминавший голову какого-то невиданного зверя.

Тесугу дрожал, слабый голос внутри говорил, что пришел тот миг, и он должен встать и выйти, выйти навстречу далекому реву и слабому эху голосов. Но тело словно отказывалось его слушать, таким холодным ужасом вдруг повеяло из почти невидимого проема.

– Время пришло, и горят огни, – еще раз сказал неизвестный, и Тесугу краем сознания отметил, что звучат его слова глухо и странно, с присвистом – вы должны выйти и стать нагими перед его взглядом. Или встретить его гнев. Ты выйдешь?

И Тесугу, сам не до конца понимая, что делает, поднялся на затекшие от сидения ноги и сделал несколько неуверенных шагов. Голоса стали отчетливее, громче и яснее, и ему вдруг показалось, что звучат они уже не из этого мира. Он застонал от страха, от чувства, что его захлестывает сила, с которой он не мог бороться. Как тогда, наверху, ему показалось, что сами камни обратились на него и он чувствует гневные взгляды Первых, людей и других, и незримые губы говорят ему: «Выходи, выходи!».

Темнота обхватила его, словно черные руки, когда, ударившись пальцами, локтем и виском, он выполз через узкий проход, по которому уступами шли плоские камни. И все это время человек, говоривший с ним, был на шаг впереди. Тесугу ясно слышал его дыхание, чувствовал его гнев. Когда он, уже стоя на самом краю, еще раз споткнулся, то вдруг почувствовал, как чья-то рука хватается его за предплечье и тащит вперед. И эта рука не казалась человеческой, она была...

Ночь расхохоталась ему в лицо огнями, пока он озирался по сторонам, перестав что-либо понимать. В голове словно говорили бесчисленные голоса, а он просто смотрел и смотрел.

Он стоял посередине каменного круга, оставив за спиной сложенную из огромных камней хижину. Небо раскинулось над головой, уже густо-синее посередине, но с теми чуть слышными оттенками, которые позволяют понять – огненный глаз Эцу еще не погас совсем, и где-то далеко бросает последние лучи. Но не они освещали все вокруг – по каменному кругу горели огоньки, великое множество огоньков. Каждый из них был совсем невелик, но, чуть дрожа от ночных ветерков, не гас, а бросал неровный свет на каменные глыбы. И в этом свете с них скалились морды рогатых, зубы хищников, тени, различить которые он сейчас не мог. И, за теньями – другие, но уже шевелящиеся. Обиталище Первых было полно. Шепотками вились голоса, над которыми то один, то другой вдруг поднимался визгливой волной, а Тесугу не мог ничего разобрать. Как не мог он разобрать и лиц людей – по крайней мере, он надеялся, что это люди – столпившихся вокруг. По очертаниям, они все казались нагими, все, за исключением...

И снова прозвучал тяжелый, низкий звук, словно ревело раненое животное. Ему откликнулись человеческие голоса, и на этот раз, говорили за спиной и сверху. Отчаянное желание

обернуться и увидеть свою судьбу смешалось в его сердце со страхом, тело скрючилось, и отчаянно подвело пустое чрево. Словно разрывая какую-то связь, Тесугу обернулся.

Каменная хижина, в которой он находился, тоже была освещена, и освещена огнем. На её вершине стояли три фигуры, сжимавшие в руках факелы. Обычное дело в темное время – но фигуры не были человеческие. Их тела словно расходились книзу, скрывая ноги, а пламя бросало отсвет на головы причудливой, нечеловеческой формы. Один казался похожим на быка, и Тесугу даже почудились рога у него на голове, от лица второго отходил длинный клюв.

Снова прозвучал хриплый, нечеловеческий рев, а за ним голос откуда-то сверху выкрикнул:

– Эцу, величайший из Древних! Мы снова здесь, в месте твоего гнева! Мы просим тебя, смилуйся над нами! Убереги нас от черного ветра, от каменной воды, от огненной смерти!

Ему ответили ревом, а в голове Тесугу, несмотря на всю сумятицу, пронеслось: «как вода может быть каменной?».

– Ты велел нам стать на страже в месте, где были соединены миры, и мы сделали так. Ты раскрыл мудрость свою, и рассказал, как утишить предков, и мы сделали так. Ты...

Голос продолжал говорить, а Тесугу, озираясь по сторонам, вдруг понял, что Первые, каменные великаны, на месте. Они не ожили, не протянули свои появившиеся руки, чтобы забрать его. Но тогда кто же говорит сверху?

Голос между тем продолжал, обращаясь теперь уже не к Древним, чьи костры начинали загораться в небе, а к другим народам земли. К рогатым братьям и турам, к лисицам и волкам, к кабанам и горным братьям, и каждое обращение он заканчивал хриплым непонятным словом на языке этого народа. Тесугу дрожал, не понимая, от страха или от холода, ибо ночь не была теплой, и краем уха слышал какую-то возню за спиной. Боясь оторвать глаза от огней, он не оборачивался, но вдруг его слух прорезал плач. Это был не крик, не стон, не вопль, а именно плач, словно у ребенка, которого наказали матери, и звучал звук до того странно, что горло его перехватило. Потом до него донеслись звуки, похожие на борьбу, вскрик и удар, за которым последовал тихий стон.

Раздались шаги, и он ощутил, как кто-то подходит к нему сзади.

– Пришел час темноты! – выкрикнул голос сверху, – пусть погаснет огонь человека и только лики Древних увидят, как будет выполнен их закон!

И тени заколыхались по краям охваченного зыбкими огнями круга, а потом огни начали гаснуть поочередно. И Тесугу казалось, что их темнота вползает в него самого, тяжелая и непроглядная. Он не опускал голову, тело как будто онемело, но знал, что тот, кто подошел к нему сзади, по-прежнему там, ощущал его присутствие, жар его тела, силу его гнева. Наконец, погас последний огонь, и голос сверху выкрикнул:

– Пусть те, кто выбран Первыми, подойдут!

И Тесугу увидел, как фигуры с неразличимыми в потемках лицами, шагнули вперед из ставшего почти невидимым круга людей. И, через миг, он ощутил, как кто-то схватил его за шею и прошептал на ухо:

– Пей!

И что-то мелькнуло перед его лицом, и холодный камень ткнулся в губы.

– Да возьми же! – раздраженно прошипел тот же голос, и Тесугу подхватил, смутно осознавая, что это что-то вроде маленького сосуда, с сильно пахнущим содержимым. Как ему и было велено, он повернул чашу и сделал глоток.

Такого ему еще пробовать не доводилось. Это была и не вода, и не еда – жидкая кашица с пряным и горьким вкусом, он которой щипало язык и сводило щеки. Но его пустой живот требовал этого едва ли не настойчивее, чем стоявший за ним некто, и Тесугу все опрокидывал и опрокидывал чашу, даваясь и захлебываясь содержимым, пока она не опустела. Он отнял её

от губ, все еще пытаюсь осознать тот вкус, который сейчас стоял во рту, и рука вырвала чашу из его рук.

– Он готов, Белегин! – сказал кто-то сзади, и голос сверху ответил:

– Давай!

В следующее мгновение боль взорвалась над ухом у Тесугу, и тьма хлынула в его череп.

Часть вторая

Глава первая

Меня зовут Халг, и я – та, что должна быть отдана. Не понимаю, никогда не могла понять, почему это так. Я смотрю на себя, на свое тело – например, когда стою возле ручья или раздеваюсь для обряда очищения. Оно ничем не отличается от тел других девушек клана, и кожа моя так же светла и упруга, как у них, и грудь так же высока, и волосы так же густы, на голове и внизу. И, когда пришли дни, принадлежащие Малкас, заступнице женщин, из меня так же, как из них, начала литься кровь. Что во мне есть такого, чего нет у них? Что у них есть, чего нет у меня?

Мать умерла, давая мне жизнь, но это ведь не редкость для людей. Мне говорили, когда еще она носила меня внутри, на её теле появился багровый знак. И увидевший его старший сказал – «её дитя будет отдано людям камня, чтобы успокоить Кулсаскау». Я узнала об этом очень рано. Другие девочки рода перестали играть со мной, когда немного подросли, и я одна бродила между жилищами. Но однажды ко мне пришли искичен – те, кто говорят с мертвыми, и сказали, что ночью я должна пойти с ними. Они привели меня в пещеру, и зажгли огонь, и велели осмотреться. Пещера была заполнена черепами – ушедшие смотрели на меня пустыми глазами, и мне показалось, что в моей голове зазвучали их голоса.

И тогда старший из искичен сказал: «я буду учить тебя тому, что ты должна знать».

Женщинам рода не говорят о таком – их учат женской мудрости Малкас, но я не одна из них. И потому искичен приводили меня в пещеру всякий раз, когда белый свет горел на небе ровным кругом, и говорили со мной о том же, о чем говорят с мужчинами. Так я узнала о днях ярости и каменной воде.

Какое-то время он знал только одно – у него болит голова. Это знание словно само появилось где-то внутри, и, разжав губы, он застонал в темноту, не слыша своего голоса. А может, он просто думал, что стонет. А может, у него и вовсе не было губ.

Но потом внутри появилось что-то еще, тянущее, муторное чувство, и он почувствовал горькую волну, поднимающуюся вверх – а следом чье-то касание, нажатие на плечо, движение, от которого все плыло в голове. И пенная, кислая горечь хлынула сквозь рот.

Трудно о чем-то думать, когда выворачивает твой желудок, но еще труднее не понимать при этом, что происходит. И на него вдруг навалилось знание об окружающем мире. Он полулежит на чем-то твердом, чьи-то руки наклоняют его голову вниз, и изо рта все еще стекают тягучие, горькие струйки. Полумрак, где-то слабо мерцает красноватое свечение, и так же тускло мерцает в его голове знание. Он в...

Тесугу вдруг дернулся, разом припоминая и свое имя, и то, что видел последним. Свет гаснущих огней, странный вкус от питья и дыхание сзади. Он вскинул голову.

– Ты...

– Молчи, – ответил ему тот, кто держал его за руку, – и вытри рот. Так часто бывает с первого раза.

Тесугу едва ли слушал сами слова, лишь где-то отмечая их странное звучание. Он, наконец, увидел того, кто был рядом с ним. В полумраке его темное лицо было словно высеченным из камня, щеки и нос скорее угадывались, чем виделись, но блестели глаза и кожа на лбу, точно смазанная чем-то. А еще зубы, когда он говорил.

– Я Куоль, – сказал неизвестный, еще раз показав желтоватые резцы, – тот, кто должен был тебя встретить, когда ты вернешься.

– Я, – все так же хрипло сказал Тесугу, и поморщился, при звуках его собственного голоса боль в голове стала сильнее, и продолжил, тише – я пришел сюда, чтобы уйти нижний мир.

Тут его голос прервался, и он судорожно огляделся по сторонам.

– Я сейчас... там? А ты?

Этот взгляд мало что принес ему. Он лежал в полумраке на плоском камне, перед ним сидел некто, и за спиной у этого человека – если это был человек – расплывался чуть подкрашенный рдяным полумрак. В тусклом свете можно было различить только силуэт, и смутные края по бокам, навевавшие мысли о хижине или пещере. Где он? В груди яростно заколотилось, и он дернулся, но чья-то рука ухватила его за запястье.

– Я Куоль, – повторил неизвестный, – и я только что не дал тебе захлебнуться в том, что отторг твой желудок. Сам подумай, может такое быть в нижнем мире?

Голова у Тесугу плыла, но, к собственному удивлению, у него получалось мыслить. Боль, сначала грызшая его череп изнутри, сейчас словно стекла наружу и сосредоточилась в одном месте. Приподнявшись на локте, он поднес вторую руку к голове, и скривился, нащупав вспухшую шишку чуть выше своего уха. Теперь, по крайней мере, понятно, почему голова болит. Но понятно только это.

– Меня не убили? – спросил он так же хрипло, – где мы сейчас? И кто ты?

– Я уже назвал себя. И сказал, что ждал, когда ты вернешься. Нет, тебя не убили, просто ударили по голове так, чтобы твой дух на время покинул тело, но потом вернулся. Кэраска умеет. Теперь ты здесь, и я буду с тобой говорить.

Неизвестный, назвавший себя Куолем, говорил очень странно, шипяще, и словно в нос, и строил слова в каком-то необычном порядке. Однако же, если чуть вслушаться, это была речь человека на языке людей.

Не зная, ни что отвечать, ни должен ли он вообще отвечать хоть что-то, Тесугу облизал губы, на которых все еще чувствовал капли от выплеснутого наружу, но вдруг почувствовал это. Он провел языком еще и еще раз, и не удержавшись, пощупал рукой. Куоль внимательно наблюдал за ним.

– Она все еще здесь, – с неожиданной яростью сказал он, – моя губа... мой знак.

– А чего ты хотел? – сказал мужчина, еще раз блеснув зубами в усмешке – ты – такой, каким ты появился на свет, и таким же будешь, пока плоть не облезет с твоего черепа.

– Я должен был оставить это знак в мире людей! – Тесугу сейчас сам не знал, что больше потрясает его, мысль о том, что он, почему-то, не мертв, или горечь от того, что поход и его страдания были напрасны, он так и остается меченым.

– Ты не оставил мир людей, – сейчас в голосе его собеседника послышался отзвук гнева, слабый, словно далекий гром в сухую летнюю пору, но и его было достаточно, чтобы Тесугу присмирел.

– Где же я тогда? – чуть слышно спросил он, и Куоль сразу откликнулся:

– Ты – в жилище Первых, и ты говоришь с одним их тех, кто принял тебя.

И, хотя Тесугу казалось, что больше запутаться уже невозможно, он ощутил, что понимает еще меньше, чем до начала разговора.

– Ты... – в который раз за их короткий разговор начал он, и мужчина вскинул руку. При этом движении какое-то одеяние упало с его предплечья.

– Я – Куоль, – сказал он в очередной раз, – я тот, кто многожды рождался, и менял тело, я тот, кто видел начало. Я – Первый. И мы ждали тебя. Один из нас закрыл глаза совсем недавно, и никто не знал, почему его дух решил нас покинуть. Но на обряде нам раскрылась правда – он вернется. Вернется в юном теле того, кого приведут к Каменным Жилищам, и мы узнаем его. Знаки указали нам на тебя, Тесугу.

– Мое имя..., – растерянно повторил тот, словно не веря, от кого его сейчас услышал, и неизвестный кивнул.

– Мы знаем его, и нет ничего сокрытого от нас. Мы говорим с теми, кто стал камнем, и теми, кто стал костью, мы зовем крылатый народ и спрашиваем о воле Древних. Тесугу, знаки указали на тебя. Ты заменишь Койтелгита, а иначе – станешь новым телом для духа Первых. Это твоя судьба, и это воля Эцу.

– Жители нижнего мира будут ждать, – потерянно сказал Тесугу, – так говорили мне. Они не получают моей крови и разгневаются, и тогда...

– Они получили кровь, – прервал его Куоль, – вместо твоей им была отдана кровь другого.

– Чья?

– Ты узнаешь об этом. Пока же возьми это.

И мужчина наклонился куда-то в сторону, открыв то, что стояло за ним. Маленький выступ, по виду – из камня, над которым мерцали два слабых огонька. И стены.

– Вот, – Куоль вытащил откуда-то темный округлый предмет и передал его Тесугу, – поставь рядом с собой. Я скажу тебе, как надо.

– Что это? – Тесугу, сам того не осознавая, постарался отодвинуться от предмета как можно дальше, но Куоль удержал его рукой. Сейчас Тесугу ясно видел, что его тело скрывает странное одеяние, просторное, и необычно скроенное. Из-за его очертаний, сливавшихся с мраком, казалось, что голова мужчины словно вырастает откуда-то из пустоты.

– Сядь, – сказал тот, и голос его снова звучал размеренно, – ешь это и слушай меня.

Тесугу, преодолевая боль, медленно выпрямился. Голова его странно плыла при каждом движении, но он почувствовал запах – и узнал его. Так пахли зерна, которые собирались и замачивали женщины, иногда они делали из них кашу, чтоб накормить ею раненых и больных. Но сейчас к их запаху примешивалось что-то еще. То, что Куоль поставил рядом с ним, понял он, было каменной чаше, едва угадывавшейся в потемках. Тот же запах, что он уже слышал ранее ночью. Живот опять скрутил спазм, на этот раз от голода.

– Ешь, – повтори мужчина, – а я буду с тобой говорить.

Тесугу неуверенным движением приподнял чашу, и почувствовал, что, несмотря на слабость и дурноту, безумно голоден. Он зачерпнул кашу рукой, и Куоль заговорил.

– Ты знаешь о Первых, все знают о них. Те, кому открылась воля Эцу в день его гнева, кто увидел, как были соединены миры. Ты видел их, застывших в камне. И ты тоже был тогда, хотя сейчас и не помнишь этого. Мы – те, кто рождался много раз и много раз умирал, храним это место, и только от нас зависит, не придут ли опять дни гнева, дни голода и порчи, черного ветра и каменной воды.

«Каменной воды?» – опять мелькнуло в голове у Тесугу, слова показались странно знакомыми, хотя он не мог бы сказать, где уже их слышал. Он зачерпнул еще немного кашицы и отправил в рот. Это были зерна, да, истолченные и размякшие, вместе с чем-то еще, но вкус был необычным. Язык немного щипало, и, когда он проглотил кашу, острый душок ударил изнутри в нос. Не решаясь перебивать мужчину вопросами, и не зная, что спросить, он только слушал, а Куоль продолжал говорить.

– Ибо только мы знаем, что бывает в дни гнева. Люди приходят сюда, и приводят тех, кто мечен его волей, люди слушают его голос, и обращаются к народам срединного мира и нижнего, но они не знают, как легко может этот мир погибнуть еще раз. Но он не погибнет, пока есть мы. И каждый раз, когда закрываются глаза одного из Первых, он должен родиться где-то еще. И прийти сюда, чтобы принять мудрость Древних.

Здесь Куоль остановился, и внимательно посмотрел на Тесугу. Юноша взглянул на него в ответ, не зная, что можно сказать, но странный мужчина, очевидно, ждал его слова, потому что не продолжал говорить. Проглотив то, что держал во рту, Тесугу подавил стремившийся вырваться из глотки дух, и спросил:

– Древние – это не, что... наверху?

– Это те, что были изначально. Те, кто раскрывает нам тайны этого мира, мира нижнего и горнего. Те, кто говорит с нами голосами ушедших. И они сказали, что, взамен Койтелгита придет новый, и будут его звать Тесугу, и у него будет три губы. И ты пришел.

И тут Тесугу показалось, что в голове его забрезжил какой-то свет, обжигающий и яркий.

– Это же я..., – пробормотал он, чувствуя, как голова опять начинает плыть, – но значит...

– Ты – один из Первых с этой ночи, – ответил Куоль.

Потом, когда Тесугу вспоминал это разговор в темноте, он знал, что за этими словами последовало что-то еще. Кажется, он что-то бормотал, кричал и даже плакал, а голова его шла кругом, и тело словно качалось на его каменном ложе. А Куоль всё говорил, тем же ровным, глубоким голосом, и заставлял съесть еще этой странной кашицы, и он глотал её, едва понимая, что делает, а потом не помнил уже ничего. Пришло время его ночи и глаза закрылись.

И он не видел, как Куоль осторожно повернул его, спящего, на бок, и как придвинул к себе каменную чашу, в которой все еще оставалась пряная кашица, вздохнул и поднес к губам. И лицо его было мрачным и усталым.

Глава вторая

Перед тем, как мы покинули клан, мужчины, отобранные для похода, опять собрались в пещере черепов. Искичен обращался к духам ушедших, и касался костей, и молился дать им мудрость и силу, чтобы не вернулись опять дни ярости. Вместе с черепами предков лежали головы тех людей, что живут за хребтом. Их кожа темна, как мокрая земля, так мне говорили, и им дан совсем другой язык. Немногие умеют спрашивать их черепа, но спрашивать их надо. Ведь от них, черных людей, зависит наша жизнь.

Мы не всегда жили на этих плоскогорьях, и охотились здесь на коз и горных ослов. Когда-то давно, так давно, что счета тем дням нет ни на одной счетной кости, предки жили в другой стороне. Далеко, к полуночи, там, где гаснут поутру звезды, лежит земля, и была она нашей. Там бродили совсем другие животные, иной была их речь, и, когда произносились нужные слова, они сами отдавали свое тело в пищу. Иными были и слова, которыми предки обращались к ушедшим. И однажды черепа предупредили их, что близка беда, и надо уходить. Люди не послушались, ибо не хотели бросать счастливую землю. Но пришли они, дни ярости.

Небо потемнело, и ночь перестала отличаться от дня. И явились кайвукку, жестокие небесные духи, чье дыхание было смертью. Из рта у них вырывалось белое пламя, и было это пламя совсем не таким, которое умеют заклинать люди – его языки кружились в воздухе, отдельно друг от друга, а, касаясь кожи, обжигали её не жаром, а страшным холодом. Когда же касались воды, вода обращалась в камень, прозрачный и твердый. Её больше нельзя было пить, и люди, даже живя рядом с рекой, мучились от жажды.

А потом небо, там, где было темнее всего, загремело, и загорелось в черноте огни, и, из края льда и темноты явился старший из кайвукку, которого звали Кулсаскау.

Как и в прошлый раз, его привела в чувство боль. На этот раз она не была острой, а словно заполняла его череп, давя то здесь, то там. Он открыл глаза и тут же зажмурился – свет ворвался в него, вспыхнув в голове и отдавшись где-то в глубине. Даже с закрытыми глазами он видел на веках его багровые разводы. Вместе со светом возвращалась и память. Ночь в Обиталище Первых, звуки голоса, заклинавшего иные народы, рев в темноте – и лицо мужчины в полумраке напротив него.

Он заставил себя приоткрыть глаза еще раз. И всё стало четко. Он находился в закрытом месте, напоминавшем просторную хижину, но с удивительно ровными стенами из бурого камня. Здесь, однако, не было ни очага, ни вещей, которые люди обычно держат в хижинах – только его лежанка, плоский камень, без шкуры или другого покрытия. Тело ныло от ночевки, болела голова, в месте удара и в висках, но, так или иначе, он, кажется, был жив. Несмотря на всю его растерянность, несмотря на пляшущие мысли, Тесугу не сомневался в одном – это не нижний мир. Все, что ему было о нем известно, говорило, что сейчас он по-прежнему в мире людей, почему бы это не произошло. Словно в подтверждение, что он все еще человек, юноша почувствовал, что ему необходимо избавиться от ненужной влаги, и огляделся по сторонам. В их хижинах иногда бывало место, где можно было оставить то, что оторгло тело, а потом прикрыть камешками или землей, но здесь ничего такого не было. Значит, придется выходить из.. из этого места, чем бы оно ни было.

И, кривясь от боли почти во всем теле, он осторожно поднялся с лежанки, заметив, мимоходом, что все так же оставался нагим, а рана на его мужском конце стянулась, и болит гораздо меньше, если только не тревожить её. Осторожно ступая босыми ногами, он пролез через довольно узкий проем, сощурился, привыкая к свету, осторожно огляделся. И замер.

В памяти осталась ночь, разговор в полутьме с тем мужчиной, чье имя он сейчас не мог повторить, странные вещи, которые довелось услышать, из которых запомнилось мало, а

понято было еще меньше, но... ему казалось, что грозные фигуры Обиталища Первых теперь где-то позади. Осматривая изнутри хижину, где проснулся, Тесугу, почему-то, представлял себя в каком-то стойбище. Может, и не в таком, в каком жил сам, судя по тому, как странно выглядела его хижина изнутри, но все же.

Оказалось, что никуда он за это время не переместился. И прямо перед ним в воздухе темнели каменные силуэты. Он прямо посреди Обиталища Первых, смотрит на их высеченные нечеловеческой мощью головы! Эта мысль вдруг опять обдала Тесугу леденящим ужасом – теперь он вспомнил, что тот мужчина говорил ему ночью. «Мы – Первые». Значит ли это, что он тоже стал одним из этих камней? Юноша невольно шагнул назад, с бьющимся сердцем глядя на ближайшую к нему фигуру Первого, почти ожидая, что каменный лик сейчас проступит на черной поверхности. Ничего подобного не случилось. Он посмотрел в одну, затем в другую сторону. Линии камней странной формы, такой не бывает нигде – и на них изображены знаки. Прямо перед ним – лисица, выгнувшая острую морду навстречу поднимающемуся утреннему свету, дальше пляшущая фигура с головой клювастой птицы. И две человеческих фигуры. Они показались ему особенно нелепыми – обе изображали мужчин по пояс, без рук, но с огромными вздыбленными членами. Мужчины стояли и смотрели друг на друга, и что-то неправильное виделось Тесугу в их очертаниях. Оторвав взгляд, он посмотрел ниже, и увидел там большую чашу, покрытую копотью. Над ней – две изогнутые дугой черты. А вот там...

– Он снова вернулся, Ташкаери! – послышался голос откуда-то сзади. И Тесугу подпрыгнул на месте. Лихорадочно обернувшись, он увидел, что из-за угловатого камня сбоку от его хижины вышел мужчина. Одетый в длинное, спадавшее почти до щиколоток одеяние, тот выглядел странно – мужчины не ходят так. Еще необычнее выглядела его голова – с тщательно срезанными почти у корней волосами, и огромным шрамом на лбу.

– Идите сюда, – сказал странный мужчина, – он уже ждётся.

Неизвестный говорил так же, как его ночной собеседник, с шипящим выговором, и словно не зная, как правильно ставить слова. На его голос из-за камня вышел сначала один мужчина в таком же одеянии, потом уже знакомый ему, потом еще двое.

Так Тесугу увидел Первых при свете дня.

Потом он долго перебирал, поворачивал в уме и на языке их странные, тяжеловесные имена, словно обратившиеся в камень обращения к духам иного народа. Куоль – тот, кто говорил с ним ночью, Белегин, Таскаери, Кэраска (ему все еще было непривычно их шипение, и он мысленно произносил имена на привычный лад). Они назвались ему, и он подумал, что имена подходили к ним. Почти у всех из них – кроме Кэраски – были те или иные знаки, отличавшие избранных. У Куоля вместо одного уха был маленький обрубок, плечи Таскаери были странно выгнуты, над плечами вздымался горб, а у Белегина был бурый нарост на лбу, похожий на спиленный рог.

И, все же, несмотря на это, несмотря на место, где их встретил, было что-то, что мешало Тесугу принять их за духов или неуспокоившиеся тени. В них было что-то... человеческое, он даже затруднялся определить, что. Они, впрочем, и не старались изображать из себя ни духов, ни жителей нижнего мира. Назвав ему свои имена, Первые двинулись между каменными рядами, и Тесугу ничего не оставалось, как последовать за ними.

Они пробирались между камнями, перед глазами Тесугу мелькали знаки – рогатые головы, волки, птицы, даже скорпионы, но уже не пытался всматриваться в них, разгадывая смысл. В его голове всё яснее всплывали сказанные ночью слова. Он должен стать одним из Первых. Кажется, тогда он думал, что тоже обратится в камень – но сейчас шагал рядом с людьми, которые меньше всего напоминали каменные изваяния.

Обиталище Первых было пусто, когда они пересекали его, пусто, и когда они вышли за его пределы. Все те люди с разных концов земли, которые пришли сюда смотреть на его смерть, сейчас ушли, так и не дождавшись своего зрелища.

И, словно в ответ на его слова, горбатый Таскаери тихо бросил:

– Я заберу оставленное, как и всегда. Буду говорить с ними этой ночью.

Тесугу не понял его слова, но увидел, что Кэраска молча кивнул, как если бы ему было сказано о чем-то давно оговоренном.

По эту сторону Обиталища, не ту, с которой он пришел прошлой ночью, на земле тоже лежали камни – но камни плоские. Возвышавшиеся на пару локтей от земли, они напоминали ему огромные лежанки, вроде той, на которой он проснулся. И на одной из них что-то было. Он увидел тень, потом послышался хриплый птичий вскрик.

Первые остановились, и Тесугу, шедший позади, осторожно глянул поверх плечо Куоля, и резко втянул в себя воздух. На камне лежали два человеческих тела.

– Подойди и посмотри, новый, – сказал ему Таскаери, словно услышав его вздох, – здесь то, что ты должен видеть.

Чуть подавшийся в сторону Куоль дал ему пройти, и Тесугу неуверенно сделал два шага вперед.

Два обнаженных мужских тела лежали на побуревшем от подсохшей крови камне, но более всего потрясло его даже не это, а то, что их головы были отделены от тел, и размещены торчмя, так, чтобы смотрели в небо. Крылатые уже начали свое дело, выклевав глаза, и следы прожорливых клювов виднелись на щеках и губах. Гриф, согнанный ими, отскочил на несколько шагов, но не улетал, а топтался на месте, поводя головой из сторон в сторону. Зоб его раздулся, но он явно ожидал продолжения трапезы.

Оторвав взгляд от птицы, Тесугу еще раз глянул на головы. Даже безглазые, с разорванной птичьим клювом плотью, они казались ему знакомыми, обе. Вот эта, например... и вот здесь он уже не смог сдержать крик.

– Ты спрашивал ночью, кто отправился к жителям нижнего мира вместо тебя, – спокойно сказал из-за его спины Куоль, – теперь ты это видишь.

Одна из стоявших на камне голов принадлежала старому Быну.

Тесугу смотрел и смотрел на неё, не в силах оторваться – даже безглазое, лицо было до боли знакомым. И шрам, знак неспящего, и уложенные особым способом волосы – это был тот, кто заклинал духов в их стойбище, кто вел его, мертвого, сюда, встретить судьбу, а встретил свою.

За спиной послышалась возня, и рядом появилась горбатая спина, прикрытая тканой – он видел это сейчас – накидкой. Таскаери держал в руке большой кожаный мешок, куда, без всяких колебаний, поместил сначала одну голову, потом вторую.

– Надо идти, – сказал он негромко, поворачиваясь спиной к обезглавленным телам, – мы отдали Первым то, что принадлежало им.

– Почему..., – выдавил из себя Тесугу, – почему он? А не я?

– Потому что знаки сказали так, – ответил Куоль, – и я тебе уже это говорил.

– Тебе предстоит ему много рассказать, – добавил мужчина наростом на лбу, – но сейчас нам надо идти.

Они все говорили одинаково, но юноша уже не обращал внимания на шипящий говор, его больше интересовало другое.

– А кто второй? – в стойбище Тесугу учили не задавать лишних вопросов, но сейчас он не мог удержать их в себе, – кто... тот?

Он показал на второе обезглавленное тело.

– Ты видел его, – это снова был Куоль, – тот юноша, чьим ртом говорили духи. Ему было нужно умереть.

Это были все объяснения, которые он получил тогда, и оставалось много времени подумать за весь долгий день. К счастью, ему не пришлось идти ни нагим, ни голодным – когда они вышли на невысокий пригорок, оставив за спиной Обиталище Первых, остановились поесть.

Тесугу жадно сглодал предложенное ему холодное вчерашнее мясо, и выпил воды из стоявших там страусовых скорлуп. Горбатый Таскаери дал ему и одежду – пряденную из волокон накидку, которую нужно было перепоясать. И, закрепляя жильную веревку на поясе, Тесугу вдруг осознал, что теперь внешне не так уж отличается от остальных, прикрытых теми же одежаниями и босых. Правда, те знают, кто они и что происходит вокруг, а он – нет. Но, по крайней мере, они едят, как и все люди.

И они пошли. Их путь мало чем отличался от пути его сородичей, с которыми Тесугу прошел до Обиталища Первых. Первым шел Белегин, тот самый мужчина, с бурой коркой посреди лба, остальные тянулись гуськом. Таскаери нес на горбу мешок со своей страшной ношей, и Тесугу был рад, что ему позволили идти последним. Так было проще думать, не заставляя себя смотреть в их лица. Эти люди, кто бы они ни были, всё еще приводили его в трепет – те, кто сами назвали себя Первыми, и держали в руке нож, которым должны были перерезать его горло.

Местность, по которой они шли, ничем приметным не выделялась – равнина, местами пересеченная расселинами, невысокими пригорками и зарослями кустарников. Раз они наткнулись на ручей, журчавший в одной из таких расселин, и Тесугу впервые за два дня смог как следует напиться.

Первые не обращались к нему ни с какими словами, не следили за ним и вообще, как будто не замечали его присутствия. Но не спускавший с них глаз Тесугу замечал в их поведении все. Они казались обычными людьми. Выбирали дорогу удобнее, иногда кривились, ступив на острый камень, останавливались на привал (чаще, чем то делали охотники рода), отходили в сторону, чтобы облегчить тело. Если бы не их странные накидки и отсутствие обрядовых шрамов, их можно было бы принять за его сородичей. Но тогда как же они относятся к каменным великанам, к месту гнева Эцу и ко всему тому, чьим именем он должен был быть убит?

И куда они, наконец, идут?

Идти им довелось весь день, быстрым шагом, и Тесугу к вечеру ощущал гнетущую усталость, с трудом заставляя себя передвигать ноги. Равнина закончилась, они вступили на плоскогорье, поднимаясь то вверх, то вниз по пологим склонам, а иногда и проходя по неглубоким ущельям. Войдя из одного такого – огненный глаз Эцу погас, и воздух уже был полон того особого, вечернего свечения, которое значило, что люди их рода должны собираться на общую вечерю. Но сейчас они были далеко от них, и вместо хижин и стойбища, перед ними раскинулась небольшая равнина, лежавшая между двумя плоскими холмами, посреди что-то зеленело.

Тесугу принял это за обычный луг, но для его спутников всё было не так просто. С удивлением он смотрел, как Белегин останавливается перед колышущимися растениями, и, становясь на одно колено, касается рукой земли. Следом за ним так же опустились и остальные, и ему ничего не оставалось, как последовать их примеру. Горбатый Таскаери же раскрыл свой кожаный мешок, и, одну за другой, вытащил оттуда две головы, от которых уже пахло запахом мертвечины, впрочем, еще слабым. Так же спокойно, как если бы то были головы антилоп или онагров, он расположил сначала одну, а потом вторую, на плоских камнях, лежавших перед странным лугом, и произнес:

– Эцу, и Древние, давшие нам силу и мудрость, и принесшие тайну земли, примите принадлежащее вам. Пусть их кровь напитает корни, и ваши дети вновь соберут зерно и восславят вашу мудрость, и зажгут вам костры.

– Путь так будет, – произнесли остальные, а Тесугу, украдкой поднявший взгляд, понял, что было не так на этом лугу. Это было не обычное пастбище, здесь росла пшеница – те стебли, которые завершались по осени тугими колосьями с зерном. Женщины их рода знали такие места, они срезали колосья серпами, мололи их, и пекли лепешки. Но, однако, тут уже срезанные, высыхающие колосья тянулись вперед, на расстояние, наверное, полета стрелы. Никогда он не видел, чтобы зерновые стебли заполняли разом такое большое пространство. Словно кто-

то своей волей сказал им «растите все здесь». Первые умеют заклинать землю и заставлять её давать им еду по их воле? Эта мысль поразила его, наверное, больше, чем зрелище отрубленных голов, теперь смотревших выклеванными глазами на желтые, высохшие стебли.

Мужчины, между тем, поднимались с колен.

– Мы будем в Месте Силы еще до того, как Белый глаз Эцу взойдет над большой горой, – сказал Кэраска, и Куоль ответил:

– Да, если поторопимся.

Тесугу с тоской понял, что их поход все еще не закончен, и нужно идти снова.

И они пошли. Скоро юноша увидел, что по этим местам часто ходили люди, потому что под их ногами потянулась утоптанная тропа. Он уже видел такие, пути, проложенные людьми, но эта была особенно нахоженной, словно ею пользовались непрерывно. Не вшестером же они её такой сделали. На языке вертелись вопросы, но все еще было страшно произнести их вслух. Молчать, пока молчать, и смотреть. Раз он все еще в мире людей, то скоро все должно стать понятным. Наверное, здесь где-то рядом есть стойбище.

Когда они огибали поле по тропе, то прошли мимо каменного знака. Камень, высотой чуть выше, чем по пояс, был узким и округлым, по форме напоминая мужской конец, но утолщение наверху заканчивалось вырезанным ликом. Темные впадины глаз, угол носа и провал рта. Каменный лик смотрел на поле, в точности как оставленные ими головы. Проходя мимо него, каждый из Первых касался рукой сначала глаз, потом груди, потом паха.

Начинало смеркаться, ноги у него гудели от усталости, голод опять тянул живот, и Тесугу с тоской спрашивал себя, скоро ли будет привал. И как они разобьют лагерь, ведь у них, кажется, нет собой ничего для этого. Но его спутники шли и шли дальше, по той же тропе, вившейся по плоскогорью, то поднимаясь, то опускаясь, и он старался примериться к их шагу. Однажды, из-за холма, который они огибали, послышался тоскливый вой, похожий на волчий, и его сердце сжал страх. У них нет ни копий, ни луков, что делать, если придется встретить хищников? Но никто из мужчин даже не обернулся на звук, и не проявил ни малейшего беспокойства. Ему вспомнились высеченные на камнях Обиталища Первых знаки, изображения всех народов их мира. Умеют ли они заклинать зверей? Подчинять своей воле словом? Сейчас бы он совсем этому не удивился.

Когда стемнело, и костры Древних загорелись над головами, он уже только устало передвигал ноги, не думая ни о каких увиденных за день чудесах, только об отдыхе. По тяжелому дыханию спутников, он догадывался, что и они тоже устали, но не останавливались на привал, бредя друг за другом след-в-след. Вдруг, остановившись там, где тропа поворачивала за еще один холм, шедший впереди Куоль поднял руку:

– Пришли, – сказал он, – пусть новый подойдет сюда. Это Место Силы, место, где духи выбрали его. Пусть он увидит его сейчас.

Тесугу сделал несколько шагов, огибая остальных, подошел к Куолю и увидел.

Глава третья

Я привыкала говорить с черепами ушедших, и вдыхать тлеющую на углях траву, от которой плыло в голове. А искичен продолжали рассказывать про древние времена и давно прошедшие дни ярости. Так узнала я, как люди, чьи глаза не окаменели от взгляда Кулсаскау, кто не погиб от жуткого холода и не был растерзан обезумевшими от дыхания кайвукку животными, решили уходить. Они собрали всё, что имели, и покинули землю, на которой жили счастливо с незапамятных времен. И они шли по белому огню, который жег холодом их ноги, переходили через окаменевшие реки и падали от усталости. Упавших оставляли лежать там, где их покинули силы, и белое пламя, вырывавшееся из ртов кайвукку, покрывало их тела.

И люди шли через равнины и горы, и видели горькую воду, без конца и края, которую её гневные духи заставляли биться о прибрежные камни. Но однажды, когда они перешли через бескрайние горы, открылась перед ними другая земля. На ней шумели реки, полные чистой воды и вкусной рыбы, и бродили неисчислимые стада, на плоскогорьях же росли в изобилии плоды и колосья. И сказали тогда искичен: «Это земля, к которой нам велели идти ушедшие, никогда до неё не доберется гнев Кулсаскау, и тут мы будем жить в радости и изобилии».

Долгое время так и было, и люди множились на плоскогорьях, и ели мясо коз и газелей, и прославляли духов земли и неба, и чтили черепа ушедших. Но потом и на эту землю пришла беда.

О ней говорят по-разному. Но все сходятся на том, что Кулсаскау нашел их и здесь. И опять чернело небо, и грохотал в нем смех повелителя кайвукку, и опять металась испуганные животные, и люди забывали слова, чтобы приманить их к себе. А потом был грохот, и стон, и крик, и тряслась земля, а некоторые из людей были погребены под рухнувшими сводами пещер. И все готовились к смерти, потому что в этот раз не знали, куда бежать от гнева духов тьмы и холода, и даже черепа не могли ничего сказать.

Но потом случилось чудо. Отряд охотников, ушедший особенно далеко от своего стойбища, в преследовании рогатых, принес весть. Кулсаскау побежден. Люди с темной кожей и чужим языком, живущие по ту сторону гор, утишили его гнев, обратили его в камень, поставив охранять самых могучих из духов. И перестала трястись и дрожать земля, опять прояснилось небо. И сказали людям черепа мудрейших, что жизнь их будет длиться до тех пор, пока заточен в камне повелитель кайвукку.

Эта ночь, которую он провел в еще одной странной каменной хижине, не принесла ему ярких снов. Когда Тесугу открыл глаза, пытаясь понять, где находится, в голове кружились только обрывки мыслей, слов и образов. Ничего ясного. Он продолжал лежать, ощущая голым телом жесткое тканое полотно и шкуру, которой прикрыл ноги. И, постепенно, увиденное вчера складывалось во что-то единое.

Они подошли сюда в потемках, когда ночь освещалась только неверным вечерним светом, и Тесугу, скорее по запахам и звукам, чем по виду понял, что здесь живут люди. Много людей – ибо дух тут стоял человеческий, который не перепутаешь ни с чем. Запахи жженных растений и жарящегося мяса, нечистот и человеческих тел. И звуки – тихие голоса, словно звучащие из-под земли. Впрочем, быстро стало ясно, что не из-под земли. В темноте ночи непроглядной чернью выделялась гряда. Высокая, выше его роста, и сплошная. С недоумением, он понял, что его спутники идут именно на неё, хотя в ней не заметно было никакого просвета. Но, когда они подошли совсем близко, оказалось, что с одной стороны спускаются камни – уступами, как то было в Обиталище Первых. Куоль первым поднялся по ним, и махнул рукой, дав знак подняться и ему. И Тесугу поднялся, впервые взглянув на Место Силы сверху. Впрочем, тогда он еще не знал, что оно так называется.

В сумерках он мало что разглядел, но понял – среди этих камней живут люди. Запахи и звуки стали резче, но потом, вдруг, прозвучал чей-то предостерегающий окрик, и голоса один за другим стихли, только издали донесся яростный лай какого-то животного. В темноте и почти полной тишине, Куоль повел его по странной, неестественно ровной площадке, и Тесугу краем глаза увидел из-за камней красноватое свечение, словно там горели чьи-то очаги. Они шли между каменных глыб и узких столпов, потом его привели к странному сооружению, едва заметному в потемках, и там Куоль сказал:

– Жить ты будешь здесь.

И вот он здесь. Прошлой ночью усталость пересилила и страх, и голод, и любопытство, он рухнул на лежанку и, почти немедленно, заснул. Но теперь, когда лившийся через узкий проем свет возвещал утро, Тесугу с тревожным любопытством оглядывался по сторонам. Хижина оказалась довольно просторной, но, что еще удивительнее, сложенной из камня. Не подземная, как жилища их рода, стены сложены из ровных камней, швы между которыми скреплялись каким-то странным веществом. Из него же, похоже, состоял и пол – шершавая, ровная поверхность густо-серого цвета. На ней располагалась его лежанка – ровные, плоские камни, укрытые плетеной накидкой. В одном углу – очаг, острые булыжники образовывали невысокую ограду. Но больше, чем очаг, внимание Тесугу привлекло сооружение напротив его лежанки. Он даже приподнялся, чтобы рассмотреть его лучше, а затем и встал.

В двух шагах от него на сером полу стояли три обрубка дерева, на которых располагалось что-то вроде плетенки. При взгляде вблизи она оказалась состоящей из множества тонких ветвей, с невероятным искусством пронизанных друг в друга. Местами их поддерживали продетые жильные нити, и такие же нити захватывали концы плетенки и были окружены вдоль деревянных подставок, по намеренно проделанным желобкам. И, хотя в их роду и соседних, тоже умели делать из ветвей плетенки, чтобы переносить предметы, эта была выполнена так, как никто из знакомых ему женщин сплести бы не сумел.

Не меньше самой плетенки его занимало и лежавшее поверх неё. Первым взгляд притянуло что-то блестящее, и он, нерешительно протянув руку, коснулся прохладного обсидиана, а потом нащупал гладь рога. Подхватив, понял, что это нож. Такие были и у мужчин их рода, но этот был сделан куда более тщательно. В рог тура, расщепленный на конце, была вдетая тонкая обсидиановая пластина, щель обмотана жильной нитью, по краям которой вступало что-то вязкое и черное. Тесугу подержал нож, взвесил его в руке и примерился резать. Да, за такой бы охотники их рода отдали и сделали все, что угодно – не сравнить с их собственными поделками. Все еще не выпуская нож из руки, он снова посмотрел на плетенку. Чаша, какой-то желтовато-бурый камень, искусно выточенный посередине так, что толщина стенок не превышала толщины его мизинца. Рядом с чашей лежала пластина, выточенная из кости какого-то животного и исчерканная многочисленными царапинами, словно на ней что-то резали. Чуть дальше – то, что он принял за подвески, костяные кольца разной формы и оттенка, нанизанные на толстую нить, и, посередине – еще одно кольцо, просто лежавшее на переплетении прутьев. Оно было совсем небольшим, и, несомненно, тоже из кости, но в расширение с одной его стороны вставлен черный камешек. И еще там было...

Чьи-то голоса прозвучали снаружи, глухо и невнятно, и Тесугу сразу же забыл про лежавшие перед ним диковины. Люди здесь, а ведь он еще не знает, кем населено это место, если не считать его странных спутников! Он сделал шаг к своей лежанке, и подхватил ту накидку, которую ему вручили вчера. Чуть помешкав, сообразил, как её надеть и закрепить. Теперь можно входить, но... он заколебался. Вновь вспомнились расплывчатые ночные силуэты, приглушенные и разом смолкавшие голоса, словно шедшие из-под земли. Где он, все-таки? Его спутники как-то называли это место, но ведь он даже не понимает толком, кто они такие. Голоса снаружи постепенно смолкли, словно говорившие уходили все дальше, потом послышался еще один звук. Его явно издавало животное.

Тесугу встряхнул головой. Что бы там ни было, он не узнает этого, пока не выйдет. И, все еще широко ставя ноги, чтобы не задеть подживающую рану, он шагнул в проем, повернувшись, чтобы протиснуться.

Как и вчера, свет ослепил его, и он заморгал, шурясь. Утро, но еще раннее, Огненный глаз Эцу не разгорелся в небе, и лишь из каких-то невидимых краев изливал в мир свет. Постепенно привыкая ко дню, юноша поднял глаза.

Ему казалось, он за эти две ночи он утратил способность удивляться, но нет. Второе утро, и снова он стоял с раскрытым ртом, пытаясь осознать то, что видит.

Перед ним была площадка, ровная, неестественно ровная земля, посередине которой вздымались мощные столбы. Это был камень, больше всего напомилавший тот, что был в Обиталище Первых, вздыбленный ввысь неведомой силой, и он передил взгляд с одного столпа на другой. Каменные стволы, заканчивавшиеся изображениями – в отличие от застывших фигур Первых, тут были видны человеческие лики, а над ними, крылатые очертания птиц. Какая сила подняла их тут, как оказалась им придана форма людей или крылатых? И почему еще два столпа не стоят, а лежат на земле?

Оторвав взгляд от необычайного зрелища, он посмотрел дальше, и увидел, что в отдалении стоит вереница сооружений, каких ему еще не приходилось видеть. Конечно, и в родах, живущих у великой реки и на плоскогорьях, умели делать небольшие строения из ветвей, чтобы хранить там еду от прожорливых птиц и грызунов, или самим укрываться от ветра. Но эти выглядели совсем иначе. Во-первых, они почти все были из камня – это Тесугу мог различить даже на расстоянии, превышавшем полет стрелы. Камень был выложен тем же невероятным образом, что и стены того жилища, где он провел ночь, и он не совсем понимал, что же держит его так прочно. Тут и там темнели черные щели, и рядом с ними сновали люди. Мужчины и женщины, они выбирались из своих жилищ, опять залазили туда, вытаскивали что-то, и, кажется, даже не смотрели в его сторону.

Движимый каким-то чувством, он повернулся назад, чтобы еще раз рассмотреть то место, где проснулся. Так и есть, похожая хижина, подогнанные один к другому камни, серая смесь в щелях, и не разглядеть, из чего сделан верх. Он повернулся в сторону – хижины стояли рядом друг с другом. Шесть – он посчитал, загибая пальцы – вместе с той, в которой он провел ночь. Все стоят рядом, прислоняясь одна к другой, и мысль о том, что жилища могут быть такими, донельзя поразила его. Кто строит их, ведь для каждой надо столько труда? Почему сложенные из камней стены не падают? И как...

Прерывая его мысли, послышался какой-то глухой шум, и вдруг он краем глаза уловил движение. Повернувшись, Тесугу увидел женщину, выходящую из соседней хижины. Как раз в тот миг она посмотрела в его сторону. Хотя её неожиданное появление встревожило юношу, сама женщина испугалась явно сильнее. Её губы округлились, она шагнула назад, и прижала ко рту ладонь. Не зная, что он должен говорить, Тесугу просто молча смотрел в её глаза, пока к ногам неизвестной не легла тень.

– Иди к своим, Кос, – послышались слова, и Тесугу узнал говорившего. Кэраска, тот единственный из встреченных им Первых, на котором не было ни единого знака, так он его и запомнил. Кэраска обращался к женщине, но, видимо проследив за её взглядом, повернулся и посмотрел на Тесугу.

– Ты уже здесь, – проговорил он, и в голове его не слышалось радости. Он, кажется, хотел еще что-то сказать ему, но потом опять повернулся к женщине и бросил:

– Иди к своим. Помни, что я говорил тебе. И скажи, чтобы несли еду.

Женщина кивнула, и только сейчас Тесугу разглядел её целиком. Невысокая, чуть ниже его, коренастая, с широкими бедрами, которые прикрывала плетеная накидка. Выше пояса она была нагой. Её спутанные космы падали на плечи, шею охватывала тонкая нить с каким-то оберегом. Незнакомка, так и не произнеся ни единого слова, повернулась и побежала вокруг

площадки с фигурами. Когда она поворачивалась, Тесугу успел заметить, что на одной её груди была кровавая отметина.

Кэраска, между тем, снова обратил внимание на него. Он был одет в такую же просторную накидку, но на этот раз перехватил её кожаной перевязью, широкой и покрытой какими-то знаками.

– Что ты смотришь? – спросил он, не скрывая своего недружелюбия, – ты получишь свое, когда придет твой день.

– Где я? – ответил вопросом на вопрос Тесугу, не слишком уверенно, хотя почувствовал безотчетное раздражение, которое вызывал у него этот мужчина. Кэраска был старше его самого, но явно моложе старого Бына.

– Там, где и надлежит быть Первому, – ответил Кэраска, пристально глядя на него, – в Месте Силы.

С приходом дня всё вернулось – и эти странные люди, и их шипящий, неправильный язык, и его недоверчивость.

– Это была твоя женщина? – вдруг спросил Тесугу, сам вздрогнув от своей смелости. Ему вспомнился откровенный испуг в её взгляде, когда та смотрела на мужчину.

– Любая женщина в месте силы – моя, если я этого захочу, – ответил Кэраска, и в его голосе юноше послышался отзвук гнева. После этого мужчина повернулся к нему и двинулся в сторону.

– Я голоден, – сказал ему в спину Тесугу.

– Ты не слышал, что я ей сказал? Скоро поешь.

Так не говорили со старшими в их стойбище, ни в родах речной долины или плоскогорий. Юные ели, когда тому приходило время, вместе со всеми, и никого обычно не волновало, голодны они или нет. Но, оказалось, очень легко забывается то, чему тебя учили, когда ты видел, как голову того, кто учил, оставили на съедение падальщикам.

Вскоре они начали выходить из хижин, один за другим. Сначала показался Таскаери, неловко ступавший босыми ногами, потом Белегин, угрюмо смотревший из-под своего ороговевшего лобного бугра. Был и еще один, высокий, худой и нескладный мужчина, которого Тесугу не видел вчера.

Он ждал Куоля, которого уже воспринимал как знакомого, но тот всё не появлялся. Продолжая рассматривать диковинное место, Тесугу увидел, что у проемов, которые вели в их хижины, стояли каменные подставки. Их смысла он не понимал, пока не увидел, как Кэраска подобрал свою накидку, опустился на одну из них. Белегин исчез в узком проходе между стенами, а неизвестный мужчина наклонился к большому камню, и, к изумлению Тесугу, зачерпнул оттуда воду.

– Они должны наполнить камень водой еще раз, – бросил он в сторону, видимо, обращаясь к Таскаери, и слова его звучали еще более невнятно, чем у остальных.

Всё казалось Тесугу по-прежнему странным, даже, когда, наконец, вылез из своей хижины Куоль и кивнул ему, бросив остальным:

– Уже несут.

Первая трапеза Тесугу с Первыми прошла в кругу ровных, округлых камней, на которых разместились его новые товарищи. В этом не было бы ничего особенно странного, если бы не то, что никто из них не вызывал огонь, и не готовил очага. Его, кстати, и не было. Зато появилось три женщины, шедшие от дальней гряды каменных хижин. Они и принесли с собой еду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.